Саквояж со светлым будущим

Автор:
Татьяна Устинова

Саквояж со светлым будущим

Татьяна Витальевна Устинова

Баловню судьбы Аркадию Воздвиженскому детективы удавались легко – в меру запутанные и мрачные, с изящно-печальным концом. Но в жизни писателя – царя и бога детективного жанра – никогда не случалось ничего подобного. И тут – на тебе, откуда ни возьмись! Да еще по всем канонам криминального чтива: с угрозами и убийством. В пекло событий попала и верная секретарша Аркадия Маша Вепренцева, чьим детям в случае неповиновения грозила жестокая расправа. А требовалось от нее и ее шефа всего-то отказаться от «гастрольной» поездки в Киев. Но как же не ехать? Ведь в программу визита была включена встреча писателя с кандидатом в президенты Украины Борисом Головко. Маша и Воздвиженский злодеев, разумеется, ослушались. Только закончилось это весьма печально. Познакомиться с Борисом Головко на даче местной поэтессы, где собрались именитые гости, им так и не привелось – того зверски убили. Двадцать семь ножевых ран! Его истерзанное тело обнаружили… в Машиной комнате…

Татьяна Устинова

Саквояж со светлым будущим

Моим любимым людям, работающим в издательстве «Эксмо»

Билетер с Барахольщиком взяли брусок

И лопату точили совместно,

Лишь Бобер продолжал вышивать свой цветок,

Что не очень-то было уместно, —

Хоть ему Барабанщик (и Бывший судья)

Объяснил на примерах из жизни,

Как легко к вышиванию шьется статья

Об измене гербу и отчизне.

Льюис Кэрролл, «Охота на Снарка».

– Маша! Где труп?!

Молчание и отдаленное мурлыканье музыки.

– Маша! А, Маша?!

Молчание и музыка, и никаких звуков, свидетельствующих о том, что Маша услыхала его призывы.

– Маша!!! Где труп, я тебя спрашиваю?!

Ну что делать? Придется теперь вставать и самому идти на поиски, а не хочется. Он оттолкнулся ногами от массивной тумбы письменного стола, кресло покатилось. Сначала оно ехало по паркету и производило некоторый шум, потом въехало на ковер и покатило бесшумно, а когда колесики увязли в ворсе, и вовсе остановилось.

До двери было еще далеко. В кресле не доехать.

Он заворчал, выбрался из кресла, пошел к двери, зацепился за что-то, то ли за край ковра, то ли за ножку книжного шкафа – он всегда и за все цеплялся, потому что видел плохо, – распахнул дверь и заорал:

– Марья!

Последние звуки стихли, и тишина воцарилась в доме.

Он свесился через полированные лестничные перила и проорал в гулкую пустоту:

– Марья, дьявол!..

– Я не дьявол, – проговорили с робким достоинством у него за спиной, зря он свешивался в проем! – Я просто… не слышала. Вам что-нибудь нужно, Дмитрий Андреевич?

– Я Аркадий, – проскрежетал он, – по крайней мере, пока на работе!

Секретарша промолчала, разглядывая свою коричневую папочку. Он помолчал, разглядывая секретаршу, а потом протянул:

– Маша, а, Маша? Где труп?

– Какой именно труп вас интересует, Дмитрий Андреевич?

– Последний.

– У нас два последних.

Он в раздражении почесал за ухом, как большая блохастая собака. Впрочем, на блохастую собаку он похож, пожалуй, не был. Он был похож на ухоженного домашнего пса, искренне недоумевающего, откуда у него могут взяться блохи.

– Ну… бабы этой труп! Где он?!

Вредная Марья сделала вид, что задумалась, и замолчала. Он постоял-постоял возле нее да и ушел в кабинет.

Раз она вредничает, он тоже будет вредничать.

Не пойти за ним она не может, а в кабинете их положение моментально изменится в соответствии с табелью о рангах – он начальник, она подчиненная. В кабинете победа всегда оставалась за ним. В предвкушении этой победы он пинками подогнал кресло к столу, уселся и сложил пальцы домиком, как некий политический деятель недавнего прошлого, утверждавший – не без оснований! – что «Россия наш общий дом». Насчет «нас» было до конца неясно, а вот для того политического деятеля Россия – дом родной, это уж точно!

На подоконнике сидел серый дождик в мокром плаще, болтал ногами в резиновых ботах. От его болтания по подоконнику с гулким стуком рассыпались капли.

Дмитрий Андреевич молчал и смотрел на дождь.

Приоткрылась дверь на лестничную площадку, застланную турецким ковром. Он усмехнулся в сложенные пальцы.

– Труп фотомодели Русланы у вас, – сказали от двери. – У меня его нет.

– У меня тем более!

– У вас.

– У меня нет, – повторил он в медленном раздражении. – Найди мне его сейчас же.

Все дело в том, что он «неорганизованный». Если бы он был «организованный», он бы и сам знал, где у него что, и ему не нужна была бы никакая секретарша. А так, раз «неорганизованный», то и получается, что он никогда не знает, что и куда засунул.

Куда он мог засунуть труп?!.

– Разрешите, я посмотрю, – вежливо попросила Маша. – Или мне со своего компьютера посмотреть?

– Нет уж, – возмутился он, – смотри с моего! И так сколько времени потеряно!

Она подошла.

Повеяло духами и еще чем-то женским и теплым, как будто ты с холодной улицы, с дождя и ветра, когда кажется, что вот-вот пойдет снег, и дальние тучи сизым краем уже легли на бурую раскисшую землю, и собака трясет ушами и смотрит жалобно и серьезно и просится обратно под крышу, входишь в домашнее живое тепло, и внутри этого тепла горит камин, букет последних астр сияет в старинной голубой вазе с отколотым лепестком, душистый чай остывает в пузатом чайнике, и в полированной поверхности стола отражаются тонкие руки в рукавах теплого платья.

Вот так ему представлялось. Недаром он был писатель.

Маша положила свою коричневую папочку на круглый шахматный столик – он очень любил этот столик, хоть в шахматы за ним никогда не играл! – и решительно направилась к столу. Так решительно, что ему показалось, будто она засучивает рукава.

Она все делала очень решительно и необыкновенно серьезно, как участковый в кино, который то и дело повторяет суровым голосом: «Я на работе!»

Рукава она засучивать не стала, боком протиснулась к его рабочему месту. Ему почудилось, что она втянула живот.

Ну конечно.

Из чувства противоречия и отчасти затем, чтобы показать, кто в доме хозяин, он не стал вставать, лишь чуть-чуть отъехал в сторону, самую малость. Маша деликатно нагнулась, так, чтобы не поворачиваться к нему задом, уставилась в монитор и моментально распатронила все его файлы.

Он никогда не умел так обращаться с адской машиной. У него она все время «глючила» – глотала страницы, перескакивала из документа в документ, висла и не отправляла почту.

– Ну что? Нашла?!

– Нет пока. Сейчас найду.

– Говорю тебе, что у меня этого трупа нет. Труп мужика есть, а трупа бабы нет! И искать нечего.

– Одну минуточку подождите, Дмитрий Андреевич.

– Ты должна называть меня Аркадий.

– Мне не нравится.

– Какое это имеет значение! Я стал Аркадием задолго до того, как ты родилась.

– Вы себе льстите, – пробормотала непочтительная секретарша Маша. – Вот. Это тот труп, который вы искали?

– Где?

Он уставился в монитор.

Ну, конечно, он знал, что она найдет. Она всегда все находила. Но существовали определенные правила игры, которые нужно соблюдать, и они оба соблюдали их беспрекословно.

Некоторое время он читал, напоминая себе, что должен сохранять на лице недовольную мину. Это был именно тот файл, который потерялся.

Он читал. Маша стояла у него за спиной.

– Ну что, что? Долго ты будешь там торчать? – ворчливо спросил он через некоторое время. – Ну нашла, и спасибо тебе большое!.. Можешь идти.

Маша пошла к выходу и у самой двери остановилась и помедлила. Он видел, что она медлит.

– Что еще?

– Дмитрий Андреевич, нам бы еще киевскую поездку обсудить. Когда мы сможем?..

Он поднял глаза от компьютера.

– Зачем?

Секретарша смотрела, склонив голову, как сорока. Потом моргнула, тоже совершенно по-сорочьи.

– Зачем нам обсуждать киевскую поездку? – спросил он раздраженно. – Ты что, не можешь ее сама с пресс-службой обсудить? Позвони Веснику и все с ним реши. Первый раз, что ли?

– Не первый, – с тихим упрямством сказала секретарша, – мы с Ильей Юрьевичем уже все обсудили, и теперь нужно, чтобы вы сами… Чтобы вы одобрили программу.

Он пробарабанил пальцами по клавиатуре и как будто выстрелил длинную фразу.

Фраза была следующая: «Пошли вы к черту все!»

Он почитал ее сначала слева направо, а потом справа налево.

Справа налево получилось так: «есв утреч к ыв илшоп!»

Красиво получилось.

Было совершенно ясно и понятно, что никакое его одобрение не требуется. Программу давно утвердили, и меняться она не будет ни при каких обстоятельствах. Илья Весник – начальник пиар-службы издательства – славился тем, что мог «продать» любого, даже самого завалящего автора. Дополнительно пиарщик славился тем, что из-за писательской истерии никогда не менял концепций и стратегий, а над самими «инженерами человеческих душ» смеялся и дам называл «звезда моя», а инженеров мужского пола «гений ты наш».

Таким образом, выходило, что звезда была как бы «его» личная, а гении все «наши».

Спорить бессмысленно. Есв утреч к ыв илшоп!

– И когда мы едем… одобрять программу?

– Сегодня к пяти. На пять назначено совещание. Будет пиар-отдел и отдел рекламы.

– Замечательно, – пробормотал Дмитрий Андреевич, по совместительству Аркадий. – Чудесно просто. А писать я когда буду? В самолете? Или в Киеве?! Или когда?! У меня два трупа, и вообще какого лешего!..

Маша прибрала с шахматного столика свою папочку, покосилась на окно, помолчала и спросила тоненьким голосом:

– Я пойду, Дмитрий Андреевич? У меня еще звонки.

– Давай, – разрешил он, – вали. И не забудь Веснику позвонить и сказать, что до Киева никаких интервью.

– До Киева осталось два дня, – проинформировала Маша. – Точнее, полтора, потому что сейчас уже половина второго. А на завтра назначено НТВ.

– Как?!

– Назначали вы сами. Помните, вы ужинали с продюсером «Новостей» и он вас приглашал?

Оттого что Маша права, а она была права почти всегда, он рассердился всерьез.

Знаменитый писатель Аркадий Воздвиженский – по паспорту Дима Родионов – пробормотал неприличное слово, которое его секретарь предпочла не услышать, уткнулся в компьютер и стал быстро печатать.

Маша постояла-постояла на пороге и тихо вышла. На темном полу лестничной площадки лежал светлый шелковый ковер, привезенный прошлым летом из Турции. Маша присела и положила на него ладонь.

Не соврал пожилой турок, продавший им ковер. У турка были пышные канибадамские усы, белоснежная рубаха, и молодые помощники, одним движением словно разливавшие на полу перед покупателями целые озера благородного шелка, называли его «эфенди». В жару ковер казался прохладным, а зимой теплым, как будто райские цветы на нем навсегда впитали южный зной.

Если бы у шефа был просто скверный характер, это еще полбеды. Ничего страшного. Подумаешь, скверный характер!.. Мало ли характеров она перевидала на всех своих многочисленных работах! Но Маша Вепренцева в своего шефа была, разумеется, тайно влюблена, и это было так же бессмысленно и глупо, как если бы она влюбилась в Михаэля Шумахера. Или в Ральфа. Или в них обоих.

Даже если бы Маша осталась последней женщиной на земле, знаменитый писатель Аркадий Воздвиженский, по паспорту Дмитрий Андреевич Родионов, не обратил бы на нее никакого внимания. То есть, убедившись, что, кроме них, на планете больше никого нет, он выразил бы неудовольствие по поводу грядущих неудобств, которые будут отвлекать его от работы, и попросил бы Машу сварить ему кофе.

Там, где Маша трогала ковер ладонью, он будто чуть выцветал – шелковые ворсинки приминались и как-то по-другому отражали свет, турок-«эфенди» объяснял это тем, что с разных сторон ковер по-разному «глядит на солнце».

Если бы у шефа был просто скверный характер, она справилась бы с ним, а если бы не справилась, то ушла с работы, но она была в него влюблена и потому очень от него зависима. Уволиться означало бы отказаться от него, а она никак

не могла этого сделать, хотя прекрасно понимала, что это единственный выход.

А может, его вовсе нет. «Выхода нет» – так пишут на дверях метро.

За кабинетной дверью, в двух шагах от нее зазвучали шаги, и она поспешно вскочила, заметалась и сбежала на несколько ступенек вниз по полированной английской лестнице.

Шеф эту лестницу на самом деле заказывал в туманном Альбионе и несколько месяцев ждал, когда ее доставят. Доставка из Альбиона оказалось делом чрезвычайно сложным и продолжительным. Видимо, мало кому приходило в голову доставлять лестницы оттуда.

– Маня, не мечись, – приказал шеф с площадки. – Ты что? Ковер гладила?

Задрав голову, Маша посмотрела на него. Он стоял, свесившись вниз, и улыбался. Она улыбнулась в ответ.

– Ты на меня обиделась?

– Нет.

– А почему я чувствую себя виноватым?

Как все было бы просто, если бы у него был скверный характер!

– Не обижайся на меня.

Сейчас он скажет, что не любит, когда у него что-то пропадает и когда его отвлекают.

– Я терпеть не могу, когда у меня пропадают файлы и когда мне мешают работать.

– Я знаю.

– Вот и хорошо.

– Сварить вам кофе?

Он подумал, подтянулся и сделал на перилах стойку на руках. Маша ахнула. Свитер великого писателя упал вниз, обнажив живот, и джинсы тоже поехали, открывая волосатые лодыжки.

– Вы с ума сошли! Здесь высоко, вы упадете!

– Если упаду, ты меня похоронишь, – не слишком внятно, оттого что стоял вниз головой, сказал он, – ибо я убьюсь насмерть.

Потом издал некий залихватский рык, словно подтверждающий его молодецкую удаль, описал ногами дугу и приземлился на площадку. Что-то жалобно зазвенело, и финал представления оказался смазан из-за люстры, которую он задел то ли головой, то ли рукой.

– Дмитрий Андреевич, осторожней!

Люстра покачалась-покачалась, но осталась висеть, и они перевели взгляд с потолка друг на друга.

– Почему все мешают мне работать? – осведомился великий писатель брюзгливо, словно не он только что выскочил на площадку с извинениями. – Почему я не могу сесть и спокойно написать свои десять страниц?! Или двадцать страниц?! Или сорок?! Почему я принужден вести какие-то идиотские разговоры, когда я до сих пор не знаю, как мне связать один труп со вторым?! И вообще не знаю, связаны ли они?! И когда это все кончится?!..

Голос звучал все тише, потому что писатель удалялся в сторону своего кабинета, и наконец смолк совсем, потому что Родионов сильно захлопнул за собой дверь.

Маша вздохнула с облегчением, постояла, прислушиваясь, и побежала вниз.

Как все было бы просто, если бы у него был скверный характер! А еще лучше, если бы он был подлец, поедающий на завтрак беззащитных секретарш и чужих

детей! Она бы тогда быстренько его разлюбила, освободилась и стала бы обычной сотрудницей, исполнительной, проницательной, деловой, профессиональной и какой угодно.

Подлецом он решительно не был. И вообще он был хорошим начальником. Каждый раз, когда ему казалось, что она чем-то обижена, он смешно каялся, из командировок привозил ей подарки, а на Восьмое марта покупал мимозку – мечта, а не начальник!

Кроме того, думала Маша уныло, ожидая, пока закипит вода в чайнике, влюбиться в шефа – это просто классический сюжет для комедии. Или мелодрамы.

Для жизни этот сюжет не подходит вовсе. И она понимает это лучше всех. Ну, а он ни о каких таких сюжетах даже не догадывается. И слава богу.

Зазвонил телефон, и она проворно сняла трубку. Хоть в кабинете и не слышно, но на всякий случай стоило поспешить.

– Да.

Молчание и какие-то потусторонние шорохи, вечные спутники стационарных квартирных телефонов.

– Алло! – повторила она с некоторым нажимом. Так бывало по нескольку раз в день. Аркадий Воздвиженский знаменитость, и у него уйма поклонников, с которыми Маша всегда разговаривала вежливо, но непреклонно.

– Алло?

– Скажи своему писаке, чтобы сидел в Москве и не рыпался, – проговорили в трубке отчетливо. – Как-нибудь в Киеве без него разберутся, а он…

– Вы ошиблись, – быстро сказала Маша и повесила трубку.

Что за идиотизм?! Кто это может быть?!

Телефон снова зазвонил, и было совершенно ясно, кто звонит, и она решила, что ни за что не снимет трубку. Чайник на плите тоненько свистнул, приноровился и наддал в полную силу.

Маша быстро переставила его на холодную конфорку. Телефон звонил.

У Дмитрия Андреевича в кабинете ничего не слышно, она это точно знает.

Телефон надрывался.

Изоляцию делали так, чтобы звуки туда не проникали, и Маша сама проверяла – по мобильному звонила из кабинета на домашний номер.

Телефон разрывался от звона. Может, подушкой его накрыть от греха подальше?..

На лестнице загрохотало, загремело и завыло:

– Маша!! Какого черта ты трубку не берешь?!

Значит, все-таки слышно! Она сорвала трубку с разорявшегося телефона, толкнула дверь в кладовку, нырнула туда и закрыла за собой дверь.

– Алло!

– Ты трубками не бросайся, курочка! Пробросаешься! Ты скажи ему, вперед пусть место себе на кладбище закажет. Какое больше нравится, а то, когда его привезут из Киева, выбирать он уж не сможет!

– Вы ошиблись номером, – размеренно произнесла Маша. – Набирайте правильно.

– Ты, курочка, язычок свой прикуси и слушай, – сказали в трубке весело, – если твой козырь из Москвы хоть шаг шагнет, будут ему полные вилы. Последние дни доживает. И не крутись ты, курочка, а слушай! Значит, ни в какую милицию ты не звонишь и никому ничего не рассказываешь. Говоришь своему писаке драному, чтоб в Москве сидел и не вылезал.

– Послушайте…

– Заткни клюв, дура, – миролюбиво посоветовали в трубке. – Ты че? Не въезжаешь, что ли? У тебя детей сколько, дура?

Маша Вепренцева уронила расписную чайную коробочку, которую держала в руке. В коробочке у нее хранились кофейные зерна. Она кофе собиралась варить.

– Ну? Че застыла-то? Лера и этот твой… Сильвестр. Это скока будет, пощитай, ё…! Пощитала?

Маша взялась за стену.

– Ну, пощитала, значит. Вот если только слово одно скажешь, я сначала козлику твоему яйца отрежу, а потом подожду. Посмотрю, как он без них скакать станет. А потом козочку, значит, приспособлю. И только после, после, золотая ты моя курочка, ножиком по горлу, да так, чтобы один другого видел. Чтоб веселее помирать-то им! Поняла, что ли?

– Вы… кто?

– Конь в пальто, – моментально отозвался голос в трубке и радостно заржал, – тебе не все равно, кто я, а? Ты поняла, дура, что ездить никуда не надо, или повторить еще раз?..

Маша швырнула трубку о стену, на которой висел телефон, и помчалась к входной двери. Трубка болталась и подпрыгивала на витом шнуре, и внутри нее болтался и подпрыгивал отвратительный голос, говорившай ей такое страшное, что она даже дышать больше не могла.

В сумке был мобильный, и, натягивая пиджак, Маша пыталась его отыскать. В горле было сухо, и голова гудела, словно она швырнула трубку в собственную голову.

Мобильный никак не находился, а она должна немедленно позвонить домой. Прямо сейчас. Господи, помоги мне! Помоги мне немедленно!..

– Маша?

Она не оглянулась, и даже по ее спине было ясно, что произошло что-то ужасное.

Дмитрий Андреевич, который терпеть не мог, когда ему мешают, который и вышел только для того, чтобы устроить секретарше разнос за то, что та подняла в доме такой шум и практически устроила факельные шествия, мгновенно сбежал с лестницы и схватил ее за воротник пиджака, как нашкодившего школяра. Он умел отличать баловство и капризы от… настоящих проблем.

– Маша!

Она не могла найти телефон. В этом телефоне в данный момент был весь смысл ее жизни. Она должна позвонить и не может найти мобильник!

– Маша, приди в себя!

Она искала.

Дмитрий Андреевич вырвал у нее сумку, бросил ее на стол, потряс секретаршу за воротник и затолкал в кухню. Она сопротивлялась, но он был сильнее.

– Так, в двух словах. Что случилось?

Маша Вепренцева была обыкновенной женщиной. То есть самой обыкновенной. В героини сериала она решительно не годилась.

Это только в сериале героиня, узнав от темных сил, что они ей угрожают, и выслушав требование «никому ничего не говорить», в самом деле никому ничего не говорит! То есть свято верит в то, что «темные силы» плохого ей точно не посоветуют! Еще не было в природе ни одного сериала, где героиня немедленно рассказала бы о своих проблемах герою, а тот позвонил бы в милицию или в сыскное агентство, и проблемы бы моментально уладились. Впрочем, тогда и сериала бы никакого не вышло.

Она тяжело дышала, отводила в сторону глаза, и телефонная трубка на витом шнуре покачивалась и легко ударялась в стену, как ленивая лодочка в зеленый бережок. Писатель Аркадий Воздвиженский взял трубку, послушал и вернул ее на аппарат.

Его секретарша схватила со стола бутылку, глотнула воды, поперхнулась, закашлялась. Потекло по подбородку и капнуло на пиджак.

– Дети, – сказала она хрипло и вытерла подбородок тыльной стороной ладони. – Он сказал про детей. Мне надо позвонить, Дмитрий Андреевич.

– Кто сказал?

– По телефону… Он сначала сказал, что вы в Киев ехать не должны, или будут вам… длинные грабли.

– Маш, ты в своем уме?

– Да-да! – повторила она быстро. – Он сказал, если вы поедете, чтобы место на кладбище сначала присмотрели, потому как потом поздно будет. И после про грабли.

– При чем тут грабли?!

Маша глотнула еще воды, еще раз утерла рот и посмотрела мимо него. В виски ломился адреналин, будто она только что чудом избежала смертельной опасности и еще до конца не осознала это.

Надо бежать, бежать, гнал адреналин, ну, беги, ну, что же ты стоишь?!

– Дмитрий Андреевич, мне надо позвонить. Детям позвонить, прямо сейчас… Он еще сказал, что их… убьет. Он, наверное, их похитил.

Родионов посмотрел на нее, прищурив глаза, – она явно была не в себе. Из ее обрывочных фраз он ничего не понял, но вдруг осознал, что все… всерьез. Был какой-то разговор, напугавший ее до смерти, и этот разговор означает, что у них проблемы. Очень большие проблемы.

Он не хотел проблем, ни больших, ни маленьких. У него их и так хоть отбавляй. Он уже твердо знал, что задержит рукопись по меньшей мере на месяц, а для издателя это катастрофа, конец света, ведь есть некое магическое словосочетание, заклинание практически. Звучит оно не слишком поэтично. «Издательский план» – вот как оно звучит, но несмотря на полное отсутствие поэзии, магия этого словосочетания известна каждому автору.

Сдал роман вовремя – молодец. Не сдал – подлец.

Беда.

Беда-а!..

Дополнительная беда секретарши Маши была ему совершенно ни к чему. То есть решительно ни к чему.

– Где сейчас должны быть дети?

– У… у бабушки. То есть Сильвестр у бабушки, а Лерка… господи, я не помню… Лерка в саду, где же еще!

– Ну так звони! – велел Родионов грубо. Специально так грубо, чтобы она перестала косить глазами и облизывать губы. Ему казалось, что она в обморок грохнется. Что тогда прикажете с ней делать?!

– Телефон… не могу найти.

– Вот тебе телефон, – и он сунул ей трубку, которая только что была пристроена на аппарат на стене. Маша отшатнулась, словно он сунул ей в лицо гадюку.

Ах да. Именно из этой трубки ей… угрожали.

Вот черт. Из заднего кармана джинсов он извлек свой телефон. Пластмассовый корпус был теплый, и Дмитрий Андреевич вдруг сконфузился из-за того, что он нагрелся у него… на заднице.

Но Маша ничего не заметила, про задницу Дмитрия Андреевича даже не подумала. Набрала номер и стала ждать, глядя в одну точку бессмысленным взглядом.

Родионов, покорившись судьбе, – вот как тут прикажете книжки вовремя сдавать?! – нажал кнопку на электрическом чайнике. Кофе выпить, что ли?..

…и что это она так переполошилась? Мало ли сумасшедших звонит?! Да в день по нескольку раз, и что? Ничего. Маша всегда сдержанна и непреклонна, а тут вдруг так… распустилась. Или все дело в детях и в том, что придурок наговорил что-то про них?

У Родионова не было детей, и он понятия не имел, как чувствуют себя те, у кого они есть.

– Мама? – выговорила его секретарша быстро. – Мама, у вас все в порядке? Сильвестр пришел? Когда придет? Мама, нет, не отпускай его никуда. Бог с ним, с теннисом, мама! Нет, ты слышишь меня или нет? И Лера… Ничего не случилось. Нет, ничего…

Родионов едва заметно пожал плечами и стал методично, одну за другой, открывать дверцы шкафчиков. Он искал кофе.

Женщины – непостижимые существа. Понять, что происходит у них в голове, невозможно.

Ну, вот это что такое?!

Она звонит матери и истерическим голосом спрашивает, все ли в порядке. Потом велит никуда не отпускать ребенка, даже и на теннис не отпускать, а потом, когда мамаша уже вполне готова отправляться в Институт Склифосовского с сердечным приступом, сообщает – все, мол, хорошо, ты, главное, не волнуйся. Это я так. Бдительность проявляю.

Ну что? Лектор[1 - Имеется в виду персонаж фильма «Молчание ягнят» – Ганнибал Лектор.] готов? Лектор давно готов!..

Видимо, мать тоже была уже «готова», потому что Маша долго бубнила, что нет никаких причин для беспокойства, и увиливала от прямых вопросов, и пыталась попрощаться, и никак не могла.

Родионов насыпал кофе в две кружки и налил кипятку из чайника. Теперь хорошо бы еще найти сахар или хоть шоколадку, что ли. Пожалуй, лучше шоколадку.

Маша наконец отделалась от матери, нажала на телефоне «отбой» и повернулась к нему. Вид у нее стал менее дикий, но все же он ясно видел, что она готова сию минуту бежать.

Куда?.. Зачем?..

– Он сказал, – выпалила Маша, и Родионов остановился, не донеся до рта кружку, – что вы не должны ехать в Киев. Что вы должны остаться в Москве, иначе будут вам полные вилы.

– Как же вилы? – удивился Родионов. – Раньше ты говорила – вроде грабли!

– Вот вы шутите, Дмитрий Андреевич, а на самом деле…

– На самом деле это все чушь, – перебил ее Родионов, который после слова «вилы» вдруг перестал утешать себя тем, что это чушь, и забеспокоился.

– Это не чушь! – выкрикнула Маша Вепренцева. – Он сказал, что… если я вам расскажу, он… он…

Повторить то, что говорила ей трубка, она никак не могла. Про Сильвестра и про Леру, про ее детей! Ну, не могла, и все тут! Поэтому Маша сказала:

– Он грозился… убить их, если я только кому-нибудь расскажу!..

Знаменитый писатель Аркадий Воздвиженский, в миру Дима Родионов, хлебнул еще из своей кружки, а потом уставился в нее, словно ожидая, что там будут показывать нечто интересное. В кофейной черноте кривовато и волнообразно двигалось отражение лампочки на потолке и половина его, Родионова, щеки.

Побриться бы надо, перед тем как к Веснику ехать.

– А голос? Мужской или женский?

– Скорее… скорее мужской, – она вспомнила отвратительное холодное кваканье – смех, от которого волосы на затылке вставали дыбом.

Никто не смеет угрожать ее детям. Никто и никогда! Тому, кто посмеет, придется иметь дело с ней, с Машей Вепренцевой, а это большая сила!

Очень большая. Очень.

Хотя на самом деле маленькая.

Но только до той минуты, пока какая-то сволочь не начинает угрожать ее детям!

– То есть он сказал, что, если мы поедем в Киев, мне будут… вилы и еще он убьет твоих детей.

– Да, – хрипло подтвердила Маша. – Но не сразу.

– Что не сразу?

– Убьет… не сразу.

Родионов посмотрел на нее и понял, что тему лучше не развивать.

Он глотнул еще кофе и поморщился – он не любил растворимый. Зачем только секретарша держит его в офисе? Журналистов, что ли, поит? Из экономии?

– Маша, я думаю, что это все ерунда, просто ненормальные развлекаются. Нужно поехать в издательство и переговорить с Весником или с кем-то из службы безопасности. Или с Марковым. Марков-то уж точно во всем разберется, причем быстро.

Валентин Марков был одним из владельцев издательства – молодой, напористый и решительный мужик, по слухам, друживший с «самим Тимофеем Кольцовым», олигархом, которого до сегодняшнего дня никому пока не удалось ни истребить, ни упечь в ка-талажку. Тимофей Ильич на упористых слоновьих ногах стоял твердо, на мир поглядывал исподлобья, шуток ни с кем не шутил, в Куршавеле мировую элиту из себя не изображал, яиц Фаберже, футбольных клубов, а также домов высокой моды и Виндзорских дворцов не покупал. Никому не удавалось с ним… поладить, ибо он даже близко никого к себе не подпускал, а вот Марков как-то сумел к нему приблизиться и войти в доверие.

Родионов Маркова слегка опасался, и, встречаясь, они, как два опытных и осторожных хищника, кружили друг возле друга, косили глазами, трепещущими ноздрями втягивали воздух и молниеносно дергали боками – от высокого напряжения чувств и эмоций. Они нуждались друг в друге, ибо что писатель без издателя, что издатель без писателя – никуда и ни к чему не нужен! Родионов очень не любил ни о чем Маркова просить, и Маша об этом отлично знала, а потому его великодушие оценила, даже несмотря на ужас, который хоть и разжал зубы, но все равно еще скалился поблизости от ее горла.

– Но ведь он говорил про Киев, – пробормотала Маша, сглатывая слюну, отравленную ужасом. – Он говорил, чтобы вы не ездили в Киев! Откуда он знает, куда вы едете, если он ненормальный и развлекается? И откуда он знает имена моих детей?!

Родионов подумал.

Про киевскую командировку и вправду никто не знал, даже его мать, которой он давным-давно не звонил. Только вчера Маша поругалась с менеджером из рекламной службы издательства, потому что информацию о поездке сто лет назад должны были вывесить на личный родионовский интернет-сайт, да так и не вывесили.

Значит, кто-то свой говорил про вилы и угрожал Машиным детям? Или человек, который знал кого-то из своих, кто знал про поездку и разгласил секретные сведения?! Родионов покрутил головой для прояснения сознания.

В шее что-то хрустнуло, а сознание так и осталось довольно мутным.

Он писал детективы уже восемь лет и считался «корифеем жанра», но в жизни с ним никогда не приключалось никаких детективных историй! Даже бизнесом когда-то он занимался очень скучно и с упорством дебила. И бизнес был скучный, и окружение скучным, и бумаги были скучными, и банки – тоже скучными, иностранными, никогда не прогорали, зато исправно платили проценты, и скучный Дмитрий Родионов уходил на пенсию скучным богатым бюргером. Бизнес он продал, положил в банчок еще кучку денег, повздыхал на свободе, пару раз съездил с гоп-компанией друга Сереги «на острова», пару раз там нырнул с аквалангом, пару раз напился, столько же раз проснулся поутру невесть с кем и заскучал уже свирепо, до ненависти к себе.

От скуки и пришло ему в голову романчик сочинить! И хорошо, что пришло!.. Друг Серега был рядом, он-то и порассказал историй про нормальных, совсем не скучных ребят, и Дмитрий Андреевич осторожненько эти истории поместил в свое произведение – так, чтобы никто из героев не догадался и не обиделся.

Никто не догадался и не обиделся, а Валентин Марков детектив напечатал, и началась игра на интерес, которая продолжалась уже восемь лет.

За это время из скучающего бизнес-пенсионера Дмитрий Андреевич Родионов превратился в Аркадия Воздвиженского, «гения нашего», звезду, «талантище», и времени у него ни на что не хватало, и работы оказалось выше головы. И бессонница у него появилась, как у всякого порядочного молодого мужчины, и обмирающие курсистки стали бросать на Родионова томные взгляды и подносить ему блокнотики для автографов. И все телевизионные передачи до одной были счастливы, когда удавалось договориться со строгой и избирательной пресс-службой и еще более строгим и избирательным секретарем Вепренцевой об участии в них господина Воздвиженского. И мобильный номер приходилось менять примерно раз в полгода, потому что вездесущие журналисты узнавали и принимались ему звонить, а он… он не желал славы и почестей, он был вполне счастлив в тишине и покое своего английского кабинета, наедине со своим романом, ему не нужно было всей этой суеты, обожания, поклонников, поклонниц…

И все это такое же вранье, как и то, что его никогда не интересовали гонорары!..

Сказку про то, что гонорары его не интересуют, он сочинил сам, специально для Валентина Маркова. Неизвестно, поверил в это Марков или нет, однако исправно платил Родионову и условия игры принял. Если гению не угодно признаваться,

что он меркантилен и суетен, как все смертные, – пусть его не признается, мы тут, в миру, про суетность все очень хорошо понимаем.

Спору нет, он прожил бы и без гонораров, только на свои «пенсионные», накопленные скучным бизнесменским трудом, но зарабатывать Дмитрий Родионов, в отличие от Аркадия Воздвиженского, умел и более всего любил себя в искусстве, именно когда получал гонорары – очень, очень, очень «достойные», как выразился один немецкий издатель, возжаждавший печатать труды господина Воздвиженского в фатерлянде.

Детективы Аркадию удавались отлично – запутанные, мрачноватые, похожие на пресловутую «пламенеющую готику», всегда изящно, хоть и не слишком благополучно, завершавшиеся. Еще он превосходно умел держать себя, перед камерой никогда не пасовал, журналистов не боялся, запретных тем не избегал – в общем, находка, а не писатель!..

Но в жизни – никогда никаких детективов, а тут на тебе, откуда ни возьмись! Да еще с угрозами и прочими непонятностями!..

– Дмитрий Андреевич, я должна ехать, – задыхающимся голосом прервала Маша его размышления о своей судьбине и о месте детектива в ней. – Мне нужно… детей спасать.

– Никого спасать тебе не нужно, – возразил писатель Воздвиженский. – Он велел передать… что?

– Чтобы вы не ездили в Киев.

– Вот именно. А я пока в Киев не поехал еще. А раз не поехал, твоим детям ничего не угрожает.

Его секретарша поняла все наоборот. Женщина всегда понимает то, что говорит мужчина, с точностью до наоборот.

Она поняла не то, что сейчас нет никакого повода для паники и ужаса, а то, что, как только Родионов укатит, ей придется эвакуировать семью куда-то примерно в район Северного полюса.

И еще она почему-то решила, что он не поедет! Ну раз кто-то угрожает ее детям и для их безопасности следует оставаться в Москве, значит, нужно в Москве и остаться!..

– Боже мой, что же делать?..

– Маша!

– Если вы уедете… я же должна с вами ехать, а я не могу…

– Маша!

– Мне придется их увезти, но… куда? Господи, у нас все родственники в Москве, даже и уехать некуда…

– Дьявол! Маша!!

Рефлекс сработал моментально и стопроцентно, как у собаки Павлова. Маша схватила со стола папочку, сделала стеклянные глаза и по-сорочьи склонила голову набок.

– Да, Дмитрий Андреевич?

– Сейчас мы поедем в издательство, и я поговорю с Марковым. До этого разговора мы все равно ничего предпринять не сможем. Сейчас твоим детям ничего не угрожает. Поняла?

Секретарша кивнула.

– Повтори.

– Дмитрий Андреевич, шутить такими вещами…

– Да какими вещами!.. Что ты, ей-богу, психуешь! Сама рассказывала, как на прошлой неделе к Донцовой в дом какая-то поклонница ворвалась и руками там махала и чего-то требовала! Дочку ее чуть не до смерти перепугала! Или ты

думаешь, что сумасшедшие только к Донцовой наведываются, а наши почитатели все разумные и милые?!

Маша моргнула. Родионов сунул ей свою кружку с остывшим кофе.

– На, попей, а я пойду соберусь. И поедем. Чем раньше приедем, тем быстрее с Марковым поговорим. И не смотри ты на меня глазами скорбящей Богоматери!..

Он пошел было из кухни, но остановился:

– Где сейчас дети?

– Ле… Лера в детском саду, а… Сильвестр… он в школе, но через полчаса уже…

– Значит, из детского сада непонятно кому ребенка не отдадут. А Сильвестра мы заберем.

– Как… заберем?

– Из школы заберем, – сказал он с неудовольствием, – ничего, полдня с нами покатается.

Маша пришла в смятение. Предложение было очень и очень разумным, конечно, но отдавало таким неслыханным нарушением субординации, что согласиться на него ей казалось сущим безумием.

– Дмитрий Андреевич, это… невозможно и не нужно. Я маме позвоню… вернее, уже позвонила, и она…

– И она уже слегла с мокрой тряпкой на голове, – продолжил за нее знаменитый писатель-детективщик язвительно. – Правильно я понял?

Он понял все правильно, но это не означало, что она имеет право втягивать его в свои проблемы! Или имеет?.. Или это не она его втягивает?.. И это не только ее проблемы?..

– Давай собирайся, – приказал гений, кажется, приходя в дурное расположение духа из-за собственного необдуманного благородства, – времени совсем нет!

Он вышел в коридор и проорал уже оттуда:

– Вот когда мне романы писать, чтобы вовремя их сдавать?! Когда, спрашивается?! Пойдешь сегодня сама к Маркову и будешь ему объяснять, почему я рукопись опять задерживаю.

Но первый раз в жизни Маше не было дела до его рукописей.

Телефонный звонок будто погрузил ее в зловонное и гадкое болото. И не просто зловонное и гадкое, но еще и кусачее, пиявочное, и десятки голодных пиявок с наслаждением впились в нее и теперь сосали из души все теплое и радостное, оставляя там страх и панику. Мирок Маши Вепренцевой хоть и не уподоблялся райскому саду, но все же был благополучен и мил и удобно устроен, и все в этом мирке было на своих местах – Дмитрий Родионов с его насмешливой уверенностью в жизни, Лера и Сильвестр, лучшие из детей, когда-либо существовавших на свете, мама, которая никогда не обременяла Машу нравоучениями, обожала внуков и имела еще одно очень важное качество. Что бы ни происходило в жизни дочери, она всегда была на ее стороне.

Если дочь принимала решение о том, что должна сменить работу, или обходиться без мужа, или купить в прихожую коврик, мать всегда говорила, что она молодец и что отныне – с новым ковриком, на следующей работе или без мужа – у нее все наконец-то пойдет просто отлично.

Маша Вепренцева обожала свою мать, и ей даже представить себе было страшно, что будет, если та узнает, что какой-то сумасшедший угрожал ее внукам!..

– Маш, я готов. Где мой портфель?

Аркадий Воздвиженский был крайне неорганизованным человеком. Он объявил об этом Маше, как только та появилась в его жизни, очевидно, желая с ходу запугать ее как следует, но Маша пугаться не стала и очень ловко взяла всю организацию его жизни на себя.

Впрочем, она подозревала, что он отчасти играет в неорганизованность, как хороший артист в собственную гениальную простоту или что-то в этом роде. Полжизни нынешний знаменитый детективщк занимался бизнесом, в котором трудно и невозможно быть неорганизованным – по миру пойдешь от неорганизованности-то! Но если ему нравится, Маша согласна, пусть он будет «неорганизованный», она вполне с этим справится!..

– Где портфель, Маша?

Портфель оказался в холле, на том самом месте, куда Маша ставила его каждый день, и в нем все тоже оказалось на месте – ручки, папки, записная книжка.

При виде портфеля настроение у Родионова испортилось окончательно.

Рукописи-то нет. Портфель есть, а рукописи в нем нет! Марков сейчас первым делом о ней спросит, и Родионову придется оправдываться, как школьнику, который позабыл дневник наблюдений по природоведению и теперь гундосит, что дневник он вел, вел… но забыл… но он же вел, правда, вел…

А директор ни одному слову не верит и требует показать записи!..

Секретарша ухудшения его настроения не заметила, она думала только о том, что им непременно надо успеть к концу занятий в школу, чтобы неизвестный враг не подобрался раньше их, хотя разум остужал эмоции – и вправду, мало ли сумасшедших, и вообще речь шла о Киеве, а вовсе не о Москве!

Они вышли на улицу, в асфальтовое марево майского московского полудня, в запах шашлыка от уличной кафешки на бульваре, во всегдашний автомобильный рокот близкой Маросейки.

Ах, как Родионов любил Москву, хотя никому и никогда в этом не признавался! Ругать столицу в последнее десятилетие считалось хорошим тоном, и Дмитрий Андреевич ее снисходительно поругивал, мэра подозревал во всех смертных грехах и даже, было дело, поставил свою подпись под петицией, призывавшей убрать с излучины Москвы-реки некое бронзовое страшилище, по ошибке принятое властями за памятник Петру Первому. Петиция ничего не изменила, власти по-прежнему настаивали на том, что страшилище – памятник и император, а Дмитрий Андреевич получил полное моральное право утверждать,

что Москва нынче стала «не та».

Не та, не та!..

Но как он любил этот город – со всей его толчеей и бестолковостью, «пробками», неработающими светофорами, чахлыми липами, кое-где еще сохранившимися с тех пор, как Москва была «порт пяти морей и самый зеленый город в мире». Ни морей, ни зелени в ней отродясь не водилось, зато были Кривоколенный и Спасопесковский переулки, торжественная, даже какая-то «государственная» тишина Кремля за высоченной красной стеной, и неказистые церковки в Замоскворечье, и дом Пашкова, и Чистопрудный бульвар, и Иверская часовня. Он никогда не смог бы этого объяснить, но Москва словно принадлежала лично ему, только ему одному, и он один точно знал, что нужно делать, чтобы она не болела, не чахла и процветала, и ревновал ее ко всякого рода джигитам, которые налетали, сверкали очами, размахивали шашками, рубили сплеча, почитая себя баронами Османами, деловито и на века преобразившими Париж!

Он никогда не понимал, почему здесь должно быть так, как там, хотя очевидно, что никогда не будет здесь и там одинаково, да и не нужно никому этой одинаковости, и переживал, и любил, и все время ругал, опасаясь впасть в моветон и показаться сентиментальным.

Покопавшись в сумочке, Маша Вепренцева достала ключи от машины и нажала кнопку сигнализации. Джип мигнул фарами, как встрепенувшийся Конек-Горбунок, приготовился везти их по делам.

– Может, ты одна съездишь? – открывая пассажирскую дверь, заныл Родионов для дальнейшего неукоснительного соблюдения правил игры. – А я попишу немного, а? Ну что мне там делать?! Ведь Весник все равно уже все утвердил, и Табакова уже все решила, зачем я-то нужен?!

Таней Табаковой звали начальницу рекламного отдела, дальними командировками, или, как это называлось у гениев и звезд, «гастролями», ведала она, и дело свое знала.

– Дмитрий Андреевич, мне одной там нечего делать. Татьяна Александровна должна объяснить вам программу, а Весник…

– Да ну тебя, – пробормотал Родионов, швырнул на заднее сиденье портфель и полез на пассажирское место.

Мало того, что он был «неорганизованный», мало того, что он не вовремя сдавал рукописи, мало того, что реальная жизнь интересовала его постольку-поскольку, а жил он только как бы внутри своих романов, он еще и машину почти не водил!

До появления в его жизни Маши Вепренцевой писатель Аркадий Воздвиженский сменил четырех секретарей и нескольких водителей. Все они никуда не годились. Секретари преданно смотрели ему в рот, но никогда не знали, где его вещи и рукописи, грозных окриков пугались, на компьютере раскладывали пасьянс, позевывали в сторонку, варили скверный кофе и, главное, все стремились в шесть часов свалить домой, что было для Дмитрия Андреевича совершенно неприемлемо. У них был нормированный рабочий день, а у Воздвиженского его не было. Он щедро им платил, но оказалось, что никто не согласен работать день и ночь, хоть бы и за деньги.

Вот этого Дмитрий Андреевич решительно не понимал. Ему все думалось, что раз нашлась работа, на которой на самом деле можно зарабатывать, то уж и держаться за нее нужно руками и ногами! Но – вот странность! – объяснить этого он никому не мог. Никто его не понимал. Если он назначал на восемь вечера встречу с журналистом или продюсером, секретари утомлялись от одного только упоминания о встрече и считали своим долгом назавтра непременно отпроситься пораньше, в счет «вчерашней переработки». Родионов их увольнял, приходили новые, точно такие же.

И так продолжалось до Маши Вепренцевой, которая, явившись на собеседование два года назад, выслушала все требования мрачного Дмитрия Родионова, окончательно утратившего веру в русский народ, и, не моргнув глазом, сказала, что все его условия ей подходят. Родионов тогда не очень поверил, а узнав, что у нее двое детей, и вовсе хотел сразу отказать ей от места, но на тот момент не было никого, кто мог бы не то что найти ему нужные материалы, но даже и на звонки ответить, и Маша осталась.

«На две недели», – предупредил он тогда непререкаемым тоном, и она согласилась. А что ей было делать?

С тех пор прошло два года, и он понятия не имел, как это он ухитрялся жить без нее.

Она улаживала все его дела, искала в словарях, справочниках и Интернете необходимые для его работы данные, как мозаику, складывала его расписание, в котором было море всего – интервью, съемок, телевизионных программ, сценариев, продюсеров, выездных мероприятий, встреч с читателями и дней, когда он наотрез отказывался выбираться из дому, запирался в кабинете и писал по двадцать часов. Она сдавала в химчистку его костюмы, покупала ему ботинки, научилась завязывать галстуки, варить кофе так, как он любил, – молотого кофе насыпать примерно до половины турки, а поверх должно быть на два пальца воды.

И она уволила его водителя Гену, который однажды забыл Дмитрия Андреевича на мероприятии за городом. Ей-богу, забыл!.. Гена работал с девяти до девяти, когда нужно было куда-то ехать, и совсем не работал, когда никуда ехать было не нужно. В загородном клубе, где праздновали десятилетие некой компании, торгующей спортинвентарем, Дмитрия Андреевича чествовали не только как гения русской прозы, но и как выдающегося спортсмена, и дочествовались почти до полуночи, а в полночь, когда вся развеселая толпа стала разъезжаться, выяснилось, что ни машины, ни водителя нету. Уехал он. В девять у него рабочий день закончился, а телефон у шефа не отвечал, ну, Гена и отбыл, очень довольный собой и уверенный, что дальнейшая шефова жизнь к нему отношения не имеет.

И наутро Маша Вепренцева, зараза такая, Гену уволила.

С тех пор за рулем всегда была она сама, и Дмитрий Андреевич привык к тому, что водитель у него – женщина. А что тут такого?.. Раз уж эмансипация и полное равенство в правах, то и пожалуйста.

Черный и стремительный джип с хищным рылом вырулил на Маросейку, пару раз раздраженно огрызнулся на прочие машины, которые никак не хотели пустить его в свое стадо, рыкнул на присевшую со страху «Оку», покрасовался перед ней, сверкнул полированным боком, ленивой рысью доскакал до угла и свернул на бульвар.

– Сегодня четверг?

Маша покосилась на начальника.

– Да.

– Не проедем нигде, – сказал тот брюзгливо. – Пробки.

По вторникам и четвергам в Москве было как-то особенно невозможно проехать. Хотя с наступлением весны стало полегче – многие разъехались в отпуска или безвылазно сидели на дачах.

Машин и впрямь было много, тем не менее до школы они добрались быстро и еще оставалось время, чтобы доехать до Весника и даже не опоздать.

Во дворе уже вовсю носились освобожденные от тяжкой доли школьники, гвалт стоял невообразимый, и совершенно непонятно было, как можно в этой толпе выловить своего отдельного ребенка.

Маша моментально почувствовала себя виноватой. Она не должна навязывать Родионову свои личные дела! Сильвестр, конечно, отличный парень, но ее начальник вовсе не обязан проводить с ним время!

– Дмитрий Андреевич, может, я попрошу кого-нибудь…

– Не ерунди, – отрезал писатель Воздвиженский. – Мы уже все решили. Иди, добывай его, и поехали! Дел по горло!

Маша выскочила из джипа. С улицы в прохладную кондиционированность салона повалил теплый воздух, и запах тополей и асфальта, и влага вчерашнего дождя. Писатель Воздвиженский подумал, что зря он содеял в своем романе суровую зиму, теплое лето было бы куда как лучше, а Дмитрий Родионов подумал, что возить с собой по городу чужих детей – ужасная морока.

Зачем он согласился?.. И даже сам это предложил!

Хаотичное движение заряженных частиц за школьным забором продолжалось, и кто-то уже висел на худом и замученном боярышнике, а еще несколько щенят валялось на газоне, а другие вырывали друг у друга рюкзаки, и несколько

томных барышень лет по четырнадцать взирало на малышачью возню со снисходительным презрением, а юноши этого же возраста, говорящие непередаваемыми шаляпинскими басами, косились на барышень и шикарными одесскими плевками сплевывали на асфальт, и все вокруг визжало, двигалось, прыгало, хохотало, сверкало на солнце.

– А я ему говорю: чегой-то ты звонишь? А он мне отвечает, что алгебру забыл!

– Ага, алгебру! Так я и поверила, что он алгебру забыл!..

– Да мы ваще вчера до двух часов оттягивались!..

– Мне он целых три эсэмэс прислал…

– Да этот фильмец отстой, ва-аще!

– А он в каком, в девятом или в десятом?

– Вот я иду, мажорю, а навстречу мне Анька из восьмого «Б»…

Опустив стекло и надвинув темные очки для неузнаваемости, Родионов курил и думал, что ни за что на свете не хотел бы вернуться в свои четырнадцать лет. Что там думают по поводу сей золотой поры именитые психологи и психологессы? Но детство мы вернуть не сможем заново, как первый вальс, оно не позабудется?! Школьные годы чудесные, с книжками, танцами, песнями? Из школьных чудесных годков ему помнилась одна сплошная морока с глубоким осознанием собственной никуда не годности, препирательства с биологичкой по поводу генов красной комолой[2 - То есть безрогой.] коровы, лазанье на канат и постыдное на нем болтание, потому что долезть до конца у него никогда не получалось, икс квадрат минус игрек квадрат, и возмущение отца, что он, его сын Дима, икс от игрека отнимает каким-то «примитивным» способом, а должен отнимать «красиво», прыщи на лбу, прыщи на носу, прыщи на груди, и никакого вальса!..

Вот идет, к примеру, он, Родионов, мажорит, а навстречу ему Анька из восьмого «Б»!..

– Здрасти, – сказал тоненький голосок где-то очень близко.

– Здравствуйте, – отозвался Родионов и завертел головой, пытаясь рассмотреть здоровающегося, но не смог, тот уже нырнул за заднюю дверь и теперь там возился.

– Это Сильвестр, – проговорила секретарша Маша очень быстро. – Дмитрий Андреевич, мы с ним уже обо всем договорились, он не будет нам мешать.

– Да кто ж спорит… – пробормотал Дмитрий Андреевич, и в это время к их машине двинулась небольшая компания пацанят, тех самых, что не обращали никакого внимания на девиц, которые не обращали никакого внимания на них.

– Садись скорее, – нервно приказала невидимому Сильвестру Маша, – нам некогда, у нас еще встречи сегодня!..

– Я сажусь, – выговорил тоненький голосочек, и сзади что-то упало.

Родионов вздохнул.

– Вау! Эта чего? Эта твоя тачка, да?

– Не, пацаны, это матери его тачка, да, Вест?

– Да не, там вон еще кекс какой-то сидит!

– А че? Ксенон или нет?

– Не-а, не ксенон!

– Да че ты гонишь-то?

– Да ты сам гонишь!

– Вестик, покатай, а?

– Вау, братва, а эта че такое?!..

– Марья Петровна, это ваша тачка, да? То есть машина?

Шаляпинские басы решительно не вязались с худосочными шейками и тоненькими ручками, на которых отросли здоровые красные кулачищи, у одного в ухе была серьга, другой все ковырял в носу, в который было продето кольцо, оно, как видно, невыносимо мешало и носу, и самому красавцу, третий все заглядывал в салон, так что чуть не тыкался в родионовскую сигарету, и Родионов стекло поднял.

– Ребята, пока, – сказала Маша, – мы спешим.

– Ну, покатайте, Марья Петровна, а?

– В следующий раз, – сдержанно сказала Маша, – обязательно!

Прыгнула в салон и так рванула с места, что Родионова качнуло назад и прижало к креслу.

– Мам, как здорово, что ты приехала! – с удовольствием сказал сзади тоненький голосок. – Я тебя и не ждал!..

– Это случайно получилось, – нервно произнесла Маша, косясь на Родионова.

Неизвестно, чего она от него ожидала – то ли что он надуется и перестанет разговаривать, то ли что сию минуту пристанет к ее сыну с вопросами, типа: «Ну, как успехи, молодой человек?» и расскажет историю из собственной боевой юности. Это явственно читалось у нее на лице, и великий писатель усмехнулся.

К уху Родионова придвинулось сопение, он оглянулся и прямо перед своим носом увидел шоколадные блестящие глаза и широкий улыбающийся мальчишеский рот.

– Почему они зовут тебя Вест? – осведомился Родионов.

– У меня имя неудобное, – объяснил мальчишка охотно. – Очень длинное. Как его сократить? Непонятно как!

– Да уж, – согласился Родионов, – неудобное. Что это тебя так мамаша назвала? Мамаша, что это вы мальчика так неудобно назвали?

– Это не я его назвала, – неизвестно зачем сказала Маша. То ли потому, что ей хотелось перед ним оправдываться, то ли потому, что это была правда, – но хоть и не я, мне нравится имя Сильвестр. Сильвестр Петрович – красиво!

– Красиво, – согласился Родионов, – но не выговоришь, особенно с фамилией.

– Моя фамилия Иевлев, – похвастался Сильвестр.

– Позвольте, но Сильвестр Иевлев – это же… какой-то исторический персонаж, – удивился Родионов. – Из книжки или из… фильма…

– «Россия молодая», – подсказала Маша мрачно. – Так и есть. Оттуда. Не ожидала, что вы вспомните.

Родионов пожал плечами. Он как-то не подумал, что Маша имеет склонность называть своих детей именами исторических и литературных персонажей! Хорошо хоть не Петруша Гринев и не Александр Меншиков!..

– Как здорово, что вы меня забрали, – сказал Сильвестр Иевлев, и Родионову показалось, что он даже хрюкнул тихонько от удовольствия. От этого самого удовольствия Вест даже не спрашивал, почему он должен ехать с матерью и ее начальником «по делам». – И машина – класс! Прикольная такая! Это ваша, да? Я знаю, что ваша, мама на ней несколько раз приезжала, но меня никогда не возила.

– Сильвестр, ты к Дмитрию Андреевичу не приставай, – велела Маша Вепренцева строго. – Мы же договорились!

Родионов вдруг пришел в раздражение. Конечно, замечательно, когда за тобой ухаживают и от всего оберегают, но это решительно не означает, что нельзя разговаривать – или не разговаривать! – на свое личное усмотрение!

– Маш, может, я сам решу, можно ко мне приставать или нельзя? Я не сплю, и не болен, и вполне в сознании!

Она моментально замолчала и стала смотреть на дорогу.

– А правда мама классно машину водит? Даже такой здоровый джип!

– У этого джипа имя есть, – сказал Родионов небрежно.

– Какое? – заинтересовался Сильвестр.

– Не скажу, – почему-то ответил великий писатель. – Ты же первый раз на нем едешь!

Маша покосилась на писателя – объяснение было по меньшей мере странным, но Сильвестр, кажется, все понял.

– Мам, я есть хочу. У меня Паштет булку съел. Он не завтракал.

– Почему он не завтракал?

– У него мама уехала куда-то, он в школу сам вставал, представляешь? Ну вот и не завтракал.

– Понятно. Но есть нам все равно некогда.

И опять покосилась на великого. Великий ничего, не сердился. Почему-то ее очень смущало, что они едут втроем на машине, да еще разговаривают про булки и про Паштета, и что это тогда такое, если не вовлечение писателя и начальника в свою частную, никому не интересную жизнь?!

– Мам, а как же я до вечера?! Я есть хочу! С утра хочу. Как Паштету булку отдал, так и захотел!

– Сильвестр, замолчи, – шикнула Маша. – Сейчас приедем в издательство и чего-нибудь найдем. Там столовая есть.

Сильвестр засопел над ухом у Родионова. Столовая – это звучало как-то уж очень скучно. Хоть бы буфет. И то как-то веселее.

Маша посмотрела на него в зеркало заднего вида. У него была расстроенная мордочка. Он имел способность моментально расстраиваться из-за пустяков и так же моментально приходить в хорошее настроение.

Ее сын был рассеян, непрерывно все терял и потом шатался по квартире и ныл, что злые люди все специально от него попрятали. Он был ленив, все уроки делал за пять минут, но и этих пяти минут ему хватало, чтобы учиться прилично, а по некоторым дисциплинам просто блестяще, что для Маши, все науки бравшей исключительно упорством, то есть той самой чугунной задницей, оставалось загадкой. Он обладал чувством юмора, всегда был готов прийти на помощь, чувствовал ответственность за семью, в которой были одни женщины, и любил пожаловаться на то, что невыносимо устал, специально для того, чтобы его жалели. Жалость он любил не просто какую-нибудь, а деятельную – чтобы чесали спинку, наливали чаю, делали бутерброд и давали кашу с вареньем. Он был честолюбив и однажды, выиграв теннисный турнир, весь вечер прошатался в халате, с голой худосочной грудью, на которой болталась заслуженная «золотая медаль» из жести на триколорной ленточке. Медалью Сильвестр очень гордился.

Ему только что стукнуло двенадцать лет.

Родионов раньше его никогда не видел. Впрочем, нет, видел один раз, когда Сильвестр приезжал к Маше на работу, то есть к Родионову домой, но она тогда быстренько вытолкала сына вон, и он, помнится, ждал мать на лавочке у подъезда.

– Мам, а чего там в этой столовой, а? Я тебе сразу говорю, я борщ не буду!

– Если хочешь есть, будешь все, – отрезала Маша.

– Да не буду я борщ! Не хочу я его!

– А ты чего хочешь?

Родионов в семейную перепалку не вмешивался, помалкивал, но Маша, вдруг осознав, что он рядом, разговоры про борщ моментально свернула.

Тут и до издательства доехали, и оказалось, что даже не опоздали.

– Я сразу к Маркову, – сказал Родионов раздраженно, как только Маша припарковалась и приказала сыну вылезать. Раздражение возникло оттого, что сейчас опять придется объясняться по поводу рукописи, которой как не было, так и нет. – А ты в пиар-отдел давай. И спроси про билеты.

Иногда с ним такое бывало, он любил поруководить Машей относительно чего-то такого, что уже давным-давно не имело к нему никакого касательства.

Вот, к примеру, спросить про билеты в Киев. Или узнать, заправляла ли она машину.

– Хорошо, Дмитрий Андреевич.

За чистыми высокими стеклами нового офисного здания угадывалась конторка и прохладный плиточный пол, и охранники за конторкой, завидев их, издали приветливо улыбались, и в идеально промытом стекле Маша поймала отражение их троицы – очень красивое. По крайней мере, ей так показалось. Здоровенный, ухоженный Родионов, она сама в пиджачке и с портфелем, настоящая бизнес-леди, и Сильвестр, загребающий уличную пыль раздолбанными кроссовками, в джинсах и майке навыпуск. На майке спереди была нарисована чудовищная морда и написано кровью «Рамштайн», а на спине загадочные символы. Впрочем, спина в стекле не отражалась.

Они вошли, и турникет послушно повернулся – знак особого уважения охраны, которая не то что пропусков у великого не спрашивала, но и переключала свои кнопки даже раньше, чем следовало.

Родионову нужно было на шестой этаж, а Маша с Сильвестром вышли на пятом, где располагались пресс-служба и пиар-отдел. Она не сказала никаких напутственных привычных слов, вроде того, что «Я буду ждать вас там-то и там-то, возвращайтесь скорей», и он на миг почувствовал себя брошенным.

Это она из-за сына, решил Родионов, рассматривая в зеркале свое небритое отражение. У нее голова занята Сильвестром и тем, что наговорил по телефону тот придурок.

Аркадий Воздвиженский был не только «неорганизованным», но еще и крайне равнодушным человеком. Он знал за собой эту черту и старался всячески ее маскировать – там, где ему представлялось нужным. Он особенно внимательно слушал собеседников, до коих ему не было никакого дела, но которые могли пригодиться в его дальнейшей жизни и карьере, и прослыл очень внимательным и чутким человеком. Он оказывал нужным ему людям мелкие услуги, которые ему самому ничего не стоили, но казались важными тем, кому он их оказывал, и прослыл отзывчивым. Вот, к примеру, он предложил Маше заехать за ее сыном в школу, и она наверняка преисполнилась благодарности и еще раз убедилась в том, какой ее шеф душевный человек!

А он вовсе не от душевности, а от равнодушия предложил-то!

Ну, какая ему разница, с сыном ехать или без оного?!

Секретаршина семья не имела к нему никакого отношения, и никогда он ею не интересовался, и поэтому сейчас ему было как-то… непривычно, что ли. Он никогда не интересовался тем, что происходит с Машей за порогом его квартиры – куда она идет и что делает там, куда пришла, и что представляют собой ее родители и есть ли у нее, скажем, садовый участок под Егорьевском. А тут вдруг сын Сильвестр оказался вполне материальным, и Родионова это… смущало. Он неожиданно подумал, что если ему двенадцать, а Маше двадцать девять, значит, она родила его в нежном возрасте семнадцати лет, и это показалось ему странным.

Или ей не двадцать девять, и он все перепутал?..

Это тоже от равнодушия, сказал он себе. Тебе нет дела ни до кого, кроме твоих героев. Вот и до Маши никакого нет. Просто тебе с ней удобно, гораздо, гораздо удобнее, чем с ее предшественницами и предшественниками.

Лифт тренькнул, разъехались блестящие двери, и Родионов вышел на пустынную площадку шестого этажа. Здесь никто никогда не курил, не толкался, не обменивался новостями, не шептал друг другу в уши свежие

сплетни. Здесь было чисто, чинно, хорошо пахло, и ни один звук сюда, в «поднебесную», не долетал «снизу», оттуда, где обитали простые смертные с их простыми радостями и печалями.

Родионов усмехнулся своему трепету, который испытывал против желания, и нажал белый квадратик на стене.

Он чувствовал, что невидимый Большой Брат изучает его в глазке камеры, словно в щели прицела, внимательно и равнодушно, как он сам, Родионов, изучал весь мир. Потом в мозгах дверного механизма запищало, и писатель толкнул тяжелую дверь с матовым стеклом.

В святая святых самого крупного, успешного и процветающего издательства этой страны было прохладно и еще более тихо, пахло кофе, цветами и какой-то парфюмерий.

Родионов перехватил портфель другой рукой – от неловкости.

Дьявол!.. Я не хочу и не буду… переживать. Я самостоятельный человек тридцати восьми лет от роду, сделавший собственные деньги и имеющий собственные мозги. Я уже написал почти двадцать книг и напишу еще сорок! Я никого и ничего не боюсь. Меня нельзя заставить есть борщ против моего желания.

– Здравствуйте, Катя.

– Здравствуйте, Дмитрий.

– А Марков у себя?..

– Да, – с некоторым сомнением произнесла секретарша. – Вы договаривались? Потому что мне никто ничего не сказал, и Марья Петровна не звонила.

Родионов не сразу сообразил, что Марья Петровна – это его Маша.

– А… она не звонила, потому что я не собирался заезжать. Если Марков занят, я не буду настаивать на встрече.

Ну, слава богу, он занят!..

Про Машины проблемы и странные телефонные звонки Родионов давно позабыл.

– Нет, нет, – заторопилась секретарша, – я сейчас спрошу. Может быть, вам пока кофе сделать или чаю зеленого? Или минеральной воды?

– Кофе и воды, – решил Родионов. Еще оставалась некоторая надежда на то, что издатель его не примет. Впрочем, что за глупости?! Разве когда-нибудь Марков его не принимал?

– Валентин Петрович, к вам Родионов.

Катя послушала, что говорит ей трубка, улыбнулась Дмитрию Андреевичу приятной улыбкой и вышла из-за конторки.

– Проходите, пожалуйста. Кофе я вам в кабинет подам.

Надо идти. Отступать некуда.

В просторном кабинете было привольно и прохладно, элегантно и стильно, однако богатство в глаза не лезло, не свисало со стен в виде полотен Айвазовского, не покрывало пол в виде шелковых китайских ковров, не торчало на столах в виде курительных трубок и пепельниц из чистого английского серебра. Впрочем, отсутствием вкуса Валентин Марков никогда не страдал, как и отсутствием чувства юмора.

– Здравствуйте, Валентин.

– Здравствуйте, Дмитрий! Рад вас видеть. – Рукопожатие у Маркова энергичное, ладонь сухая и прохладная. – Надеюсь, вы приехали нас порадовать?

Порадовать – это значит привезти рукопись. Разочаровать – это значит рукопись не привезти.

– Боюсь, что нет, – заблеял Родионов самому себе отвратительным тенорком, – я еще ее не закончил. Мне не слишком много осталось, но все-таки пока я не могу сказать, что дело идет к концу. Я стараюсь, но всякие обстоятельства…

Марков слушал, не перебивая. И про обстоятельства, и про то, что осталось немного, хотя на самом деле много, и про то, что на прошлой неделе у Родионова сделался насморк и из-за насморка он не мог полноценно трудиться, и еще про то, что в Москве жара, как обычно в конце мая, и про что-то столь же бессмысленное.

К концу речи Родионов себя ненавидел.

Марков же остался невозмутим, только чуть заметно пожал плечами под безупречной белой рубахой голландского полотна.

За это чуть заметное пожатие плеч, за странное выражение, мелькнувшее в лице издателя, за сигарету, которую он не торопясь вытащил и так же не торопясь прикурил, Родионов готов был его убить. Этот человек, почти одного с ним возраста и, насколько Родионову известно, не родившийся членом английской королевской фамилии, держался безукоризненно и очень продуманно – так, что тертый калач Родионов моментально начал чувствовать себя кругом виноватым и практически ни на что не годным.

– Я все понимаю, – произнес Марков и посмотрел на свою сигарету. – Но у нас план, и мы опоздаем, если вы продержите рукопись еще, скажем, месяц. А типография? Вы же бизнесмен, Дмитрий, и не можете не понимать, что такое… обязательства.

Родионов чуть не завыл.

Да, да, он отлично понимает, что такое обязательства! Да, он знает, что рукописи нужно сдавать вовремя! Да, он знает, что издательство на его задержках теряет время и деньги!!!

Ну, расстреляйте меня! Ну, спихните меня с Крымского моста!

Но, черт побери, что я могу поделать, если все мои герои до одного вдруг решили, будто история, которую я для них придумал, никуда не годится?! То есть, может быть, она годится для каких-то других героев, но эти отказываются маршировать дружными рядами в ту сторону, в которую я их направляю!! В один голос они вопят, что я должен изменить историю или придумать других героев, которые как раз пойдут куда надо, а у меня план, видите ли!

Кажется, Марков отлично понимал, о чем именно думает Родионов, потому что вдруг улыбнулся и смешно почесал затылок. У него, при всей внешней безупречности, была такая чудная манера, и это как-то примиряло Родионова с действительностью, с тем, что Марков все время его опережает, заставляет играть на своем поле.

И еще одна мысль была совершенно убийственной. Мысль, что Марков… прав.

Прав, и все тут. Рукописи нужно сдавать вовремя. Есть обязательства, и от них никуда не денешься. Если их невозможно выполнить, лучше всего их на себя не брать. И точка.

Отворилась матовая стеклянная дверь, сделанная в стиле хай-тек, вошла Катя и внесла подносик. На подносике стояли маленькая чашечка кофе, приятно запотевшая бутылка минеральной воды и вазочка с конфетами. Конфеты были как в детстве, в хорошо знакомых, вкусных бумажках: «Трюфели», «Столичные», «Вечерний звон». Те, что еще несколько лет назад невозможно было купить в магазине, их приходилось «доставать» или мечтать о том, что дадут в «заказе» – двести граммов.

Сердясь, Родионов взял «Трюфель», развернул бумажку и положил его в рот. Пальцы, испачканные коричневой шоколадной пылью, он вытер под столом о джинсы. Хорошо, что Марков не видел!..

– Так когда же?..

– Думаю, что недели через две, – невнятно из-за конфеты за щекой сказал Родионов. – Никак не раньше.

– Но через две недели рукопись будет точно?

– Думаю, что да.

– Дмитрий, мне хотелось бы все-таки знать совершенно точно!

Черт бы его побрал! Черт бы побрал все на свете рукописи, всех писателей и всех издателей!

Не отвечая, Родионов прожевал конфету и глотнул кофе из чашки. Кофе был скверный, слабый и теплый. Он любил горячий и крепкий.

– Через две недели книга будет.

– Может быть, вы пока пришлете редактору то, что готово на сегодняшний день, чтобы мы могли запустить в работу хотя бы обложку? Хотя бы.

– Пришлю, – обреченно пообещал Родионов. Интересно, за две недели он успеет собрать и вразумить героев?.. Или предстоит еще одна пытка и верчение ужом, будто на раскаленной сковородке?!

– Жаль, что вы не успеваете, – заметил Марков бесстрастно. – Мы же собирались выпустить новинку в конце зимы! Впрочем, сейчас об этом уже можно не говорить, мы все равно опоздали, а к лету никто никаких новинок не выпускает – мертвый сезон!

«Зачем только я стал писать эти романы, – думал Родионов обреченно. – Сидел бы себе дома, смотрел бы телевизор, пил пиво, плевал в потолок и разжирел бы, как средний американец, вес которого составляет в среднем килограммов сто десять! Или больше?..»

Одним глотком он допил скверный кофе и уже приподнялся, чтобы идти, и тут вдруг вспомнил, зачем он пришел.

Телефонный звонок, черт возьми! Он же явился к Маркову, чтобы рассказать ему про звонок и угрозы, а вовсе не затем, чтобы лепетать и оправдываться!..

Родионов несколько приободрился и вернул себя на стул.

– Валентин, у меня случилось небольшое чрезвычайное происшествие.

– Что такое?

– Нам позвонил какой-то ненормальный и сказал, чтобы я не ездил в Киев, – Родионов пожал плечами. – В Киев, как вы знаете, я улетаю послезавтра. Он сказал… со слов моей секретарши, потому что она подошла к телефону… чтобы я никуда не двигался из Москвы, иначе будут мне… «полные вилы». И еще угрожал ее детям, кажется. У нее даже истерика была.

– У Марьи Петровны? – не поверил Марков. – Истерика? Мне представлялось, что она слишком здравомыслящая для того, чтобы выходить из себя из-за каких-то сумасшедших!

– Она здравомыслящая, – буркнул Родионов. – Но она правда была напугана. Кроме того, вы же понимаете, что про Киев никто не знает! Кроме своих, конечно. Значит, этот сумасшедший – кто-то из своих?

Тут Марков задумался, и Дмитрий Андреевич с некоторым злорадством заметил, что, задумавшись, тот пришел как будто в растерянность.

– А… определителя у нее на телефоне нет, правильно я понимаю?

– Он звонил мне домой.

– А! – с непередаваемой интонацией воскликнул Марков и опять задумался.

– И дети, – подлил масла в огонь знаменитый детективщик. – Ее детям угрожали. Насколько я понял, он сказал, что… если она меня не остановит и я все-таки поеду, детям… придется плохо.

– Что значит – плохо?

– Валентин, она не говорит, а я не стал допытываться. Хотите, я ей позвоню, она поднимется и все сама расскажет?

– А где она?

– У Весника в отделе. Она даже ребенка из школы забрала сама, потому что боялась. Мы его сюда привезли.

– Все так серьезно?

Родионов пожал плечами.

Он был «равнодушный» и даже сам толком не мог ответить на вопрос, взволновало его Машино отчаяние или не слишком. Вот если бы в его личное, родионовское, ухо кто-нибудь наговорил гадостей, тогда другое дело! А так… Ну, он должен был что-то предпринять, вот он и предпринял – переложил все проблемы на Маркова. А там посмотрим.

Издатель еще подумал. Родионов съел вторую конфету.

– Вряд ли мы сейчас сможем установить, откуда был звонок. Я не уверен, что из звонка какого-то ненормального стоит делать выводы, хотя…

Он встал из-за стола, задумчиво выключил телефон, который вдруг затрезвонил и запрыгал на столешнице, среди многочисленных книг и бумаг. По столу Валентина Маркова было совершенно понятно, что он за ним работает, а не любуется на свое отражение в матовой двери. На нем было много ручек, папок, растрепанных и новых книг, аккуратных и совсем не аккуратных бумаг, зажигалок, блокнотов, и все это вылезало за отведенные каждой бумаге рамки, громоздилось, высилось, лезло друг на друга. Марков во всей этой чертовщине ориентировался отлично – стоило только Кате заглянуть и сказать, что главный редактор что-то там просит, как необходимая бумага моментально извлекалась из-под завалов, одним движением пролистывалась напоследок и отдавалась Кате.

Родионов так не умел, потому что был «неорганизованный».

Марков подошел к окну и посмотрел на улицу, словно там простирались невесть какие виды. Виды там, конечно, простирались, но совершенно обыкновенные, московские: дорога, скверик, в скверике лавочки, а за скверником фанерно-панельные пятиэтажки, наследие Хрущева, пообещавшего всем, что скоро на месте пятиэтажек возведут дворцы, а пока и так сойдет, все лучше, чем в

бараке!

Родионовская бабушка жила в бараке на Соколе, и не было у маленького Димы большей радости, чем поехать к ней «на чай». Бабушка была молодая, веселая, широким голосом пела песни, которых Родионов потом никогда не слышал. И места лучше, чем этот самый барак на Соколе, тоже не было на свете!..

– Звонок ерунда, конечно, но планируется, что в Киеве вы встретитесь с Тимофеем Ильичом, а это… меняет все дело.

Родионов изумился.

– С Кольцовым?

Марков кивнул и смешно сморщил нос.

– А я… ничего об этом не знал.

– И я не знал, – признался Марков. – Я только утром об этом Веснику сказал. Он с вами летит. Весник, а не Кольцов.

К этому Родионов был совсем не готов и моментально почувствовал себя оскорбленным.

«Выездные мероприятия» считались в издательстве делом совершенно обычным и проводились не реже двух раз в год.

Писатели – «гении наши» – и писательницы – «звезды» – направлялись в «глубинку» и там «давали гастроли». Направить «гениев» и «звезд» в эту самую глубинку было делом многотрудным и хлопотным, ибо сначала отдел Тани Табаковой делал рекламу, завозились материалы, просчитывались предполагаемые результаты и графики мероприятий, обговаривались условия и приглашались журналисты. Программой «гастролей» вместе с Табаковой занимался Весник, и, как правило, пять дней визита расписывались «от и до» – от момента схода с трапа самолета и до момента посадки в него же, дней через пять. Из аэропорта «гения» или «звезду» везли сразу на местное телевидение или радио, потом на встречу в книжный магазин, а затем уже журналисты шли

непрерывным потоком, один за другим, и заканчивалось все поздно вечером, в гостинице. Родионов под вечер «на гастролях», как правило, уже почти не мог говорить от усталости и напряжения, распухший язык, не приспособленный молоть по двадцать часов без перерыва, не помещался во рту, и сам себе писатель напоминал спятившего поэта Бездомного с иконкой и свечечкой в руке. Маша доводила Дмитрия до двери его номера люкс и возвращалась к себе, где у нее еще продолжалась работа. Что-то она согласовывала, утрясала и решала на завтрашний день, который начинался, как правило, местной утренней программой, то есть в полседьмого утра, а вставать следовало в пять, чтобы продрать глаза, привести себя в порядок и вспомнить о том, что ты человек.

Нечто подобное планировалось и в Киеве, и Родионов был к этому готов, только вот о Тимофее Кольцове услышал впервые.

О том, что Весник летит с ним, Родионов тоже услышал впервые, и было это странно, и неприятно, и как-то слишком подозрительно. Начальник пиар-службы ни в какие такие командировки, ясное дело, с авторами никогда не ездил. Не по статусу ему это было вовсе, и непонятно, на кого оставить все дела в Москве, ибо заместителям Весник полностью не доверял никогда и приговаривал только, что «в случае чего», как на войне, спрос будет только с него и Марков, не поморщившись, спустит с него три шкуры.

Издатель на секунду оторвался от пейзажа, глянул на писателя Аркадия Воздвиженского и сказал, словно отвечая на его мысли:

– Мне Тимофей Ильич только вчера позвонил. Сказал, что собирается в Киев. Там же выборы скоро, а он дружит с одним из кандидатов.

– А… кто там кандидаты? – осторожно поинтересовался далекий от украинской политики Родионов.

– Головко и Мищенко. Еще какие-то есть, но они не в счет. Тимофей Ильич летит Головко поддержать.

– А я тут при чем, Валентин?

– Хочет с вами познакомиться, – выговорил Марков так, как будто признавался, что Тимофей Кольцов решил познакомиться с иранским дервишем, и

недоумевал, зачем это ему нужно. – Говорит, что читает вас и любит.

– Он… книги читает?! – искренне поразился Родионов, и Марков засмеялся:

– Вы напрасно полагаете, что он совсем уж… от сохи, Дмитрий!

– А он откуда? Из дворца?

Всем в державе была известна биография данного конкретного олигарха – неблагополучная семья, детский дом, ПТУ, какие-то темные истории, какой-то мелкий и еще более темный бизнес, который постепенно укрупнялся и – от укрупнения, видимо, – все светлел и светлел, и нынче Тимофей Ильич, губернатор Калининградской области, член Совета Федерации, владелец всего, чем только можно владеть, был уж практически святой. Ну, если не святой, так уж точно просветленный.

Вон даже и книги взялся читать. С чего бы?..

– Он, кажется, только детективы и читает, – сказал Марков с усмешкой, – но много. Просил, чтоб я его с Марининой познакомил. А то, говорит, с королевой Английской Елизаветой я знаком, а с нашей – нет.

– Познакомили?

– Ну конечно. Он был так счастлив, как будто тендер выиграл на строительство Кольцевой дороги вокруг Москвы.

Родионов улыбнулся.

– А Маринина? Была счастлива?

Марков тоже улыбнулся:

– Да как вам сказать… Тимофей Ильич человек сложный, а Марина Анатольевна идолопоклонством не страдает. Сказала, что он лучше, чем кажется на первый взгляд, вот и все.

– Ну, и все-таки я при чем?

– У вас получается один выходной, и мы Головко и Кольцовых вписали в этот выходной. Надеюсь, вы не возражаете?

Ну, конечно, Родионов не возражал. Заодно он не возражал против того, что вечером над Патриаршими прудами взойдет луна. А хоть бы и возражал! Луна-то все равно взойдет!

– Так что в свете того, что вы должны встретиться с кандидатом в президенты Украины и с одним из самых влиятельных людей России, эти странные звонки в ваш адрес как-то все… усложняют.

Родионов и думать забыл про звонок.

Теперь его интересовали только Кольцов и Головко.

Кандидата в президенты Украины он в глаза не видел и сейчас соображал, как бы посмотреть его досье в Интернете, чтобы не опозориться при встрече.

Секретарше надо сказать. Пусть она ищет. Я «неорганизованный».

– Наша служба безопасности, конечно, проверит ваши звонки, но я думаю, что время уже упущено. А утечка информации могла быть откуда угодно.

Они еще помолчали. Марков думал, Родионов томился.

– А можно попросить Марью Петровну подняться ко мне? – спросил наконец Марков задумчиво. – Сам я вряд ли смогу что-то установить, а наш начальник службы безопасности, может, что-нибудь и выяснит…

Звонок шефа застал Машу и Сильвестра в пиар-отделе, где мальчика поили чаем, кормили пирогами, конфетами и орехами из большой железной коробки.

Маша выскочила в длинный и светлый коридор, очень просторный и чистый. Между прочим, она давно заметила, что самый главный показатель процветающего учреждения – это коридоры и туалеты. Если в коридоре узко и

мрачно, вздыбленные полы и стены с обитой штукатуркой, а в сортирах фанерные дверки с оконными защелками, болтающимися на одном гвозде, чугунные раковины и развешанные по батареям чудовищные тряпки из мешковины, значит, пиши пропало. «Учреждение» никуда не годится, начальникам ничего не нужно, а подчиненные ходят на работу исключительно с целью время провести и из дома куда-нибудь смыться!

В издательских коридорах было чуть ли не краше, чем в кабинетах. На полу ковры, на стенах картины, на потолке светильники – благолепие и чинность.

Маша Вепренцева, когда бывала в хорошем настроении и в зоне видимости никого не оказывалось, по коридорам всегда бежала и подпрыгивала, просто так, от удовольствия быть здесь и от радости жизни.

Сейчас в коридоре маячил Весник, который издали распахнул руки ей навстречу, словно заранее приготовляясь обнять.

У него была внешность чудесного плюшевого мишки, которого хочется ласкать, почесывать по гладкой кофейной шерсти, прижиматься к его теплому боку и чувствовать себя защищенной.

Еще у Весника были глаза ястреба, хватка крокодила, быстрота ягуара и безжалостность тираннозавра. При всем этом он был порядочен, смешлив и очень хорошо образован.

– Машуня, – начал он задолго до того, как Вепренцева приблизилась, – Машунечка, как я рад! А где гений наш?

Они сошлись и смачно поцеловались. Они всегда целовались исключительно смачно, и это ровным счетом ничего не означало.

– Гений у Маркова.

– Ну-у, это серьезно.

– Серьезно, – подтвердила Маша.

– А ко мне вы когда?

– Вот сейчас я к ним поднимусь, а потом мы сразу к тебе.

– Гений-то готов к свершениям?

– Он всегда готов, ты же знаешь, Илья! Ну, ворчит немножко, что мы смерти его хотим, ты в особенности, но… готов.

Весник поправил и без того безупречно сидящие на носу очки и посмотрел на Машу заговорщицким взглядом.

– У нас там изменения в программе.

Маша Вепренцева знала Илью Весника уже давно, и она различала, когда он говорит «просто так», а когда «со смыслом». Сейчас пиарщик явно говорил «со смыслом».

– Что за изменения, Илья?

– Вот ты идешь к Маркову, и иди себе, иди. Вернешься, поговорим. А еще я тебя с таким парнем познакомлю – высший класс! У меня сидит.

– Илья!

– Да ладно, не век же тебе в девках куковать!

Маша махнула на него папкой и побежала дальше. Ее раздражало, когда взрослые и умные мальчики пытались устроить ее личную жизнь. Она мигом начинала чувствовать себя старой девой или, хуже того, матерью-одиночкой, как выражаются в собесе.

– Приходи скорей, – вслед ей крикнул Весник, – и гения приводи! У меня но-вос-ти!

– Да ну тебя с твоими новостями, – себе под нос пробормотала Маша Вепренцева и выскочила на лестничную площадку.

Здесь всегда было много народу – курили, стреляли друг в друга глазами, обсуждали последние новости, новых и старых авторов, мужей, жен и «шестой этаж», где сидело начальство.

Вот и сейчас тут стояла небольшая толпишка, центром которой был знаменитый на все издательство Лазарь Моисеевич Вагнер.

Никто толком не знал, за что именно в издательстве отвечает этот великий и всесильный человек, поэтому казалось, что он отвечает решительно за все. Может, так оно и было. Хотя по штатному расписанию числился он главным администратором. Вагнер был своего рода гуру – к нему обращались, ему плакались, у него просили помощи, поддержки и содействия, и его слово было истиной в последней инстанции. Все знали, что, если Лазарь считает, что дело не выгорит, к начальству «на шестой» идти бесполезно – на самом деле не выгорит! А если он тебя поддержит, значит, дело исключительно стоящее, и даже если его не одобрят «на шестом» с ходу, всегда можно будет «подключить» Лазаря Моисеевича, и помощь придет.

Можно даже сказать, настигнет!

– Милочка! – воскликнул Лазарь Моисеевич, едва увидев Машу, и вперил в нее цепкие глазки. В отставленной руке у него дымилась «беломорина», а галстук, несмотря на «беломорину», был как пить дать долларов за восемьсот. – Машенька! Опять ты мимо меня летишь! И хоть бы раз зашла, хоть бы один разочек навестила старика!

Маша Вепренцева Вагнера не любила.

Маша Вепренцева Вагнера обожала и нисколько его не боялась.

– Лазарь Моисеевич, вот клянусь вам, сегодня зайду!

– Ох, я не верю тебе, не зайдешь ты ко мне! Когда тебе заходить, если ты сейчас к Маркову бежишь, а потом сразу с гением твоим к Веснику!..

Непостижимым образом Лазарь всегда и все знал и никогда ни о чем не спрашивал.

– Клянусь вам, Лазарь Моисеевич, что сегодня точно зайду!

Схватив Машу за локоть и заговорщицки оглянувшись по сторонам, Лазарь увлек ее подальше от всех остальных и помахал у нее перед носом «беломориной». Таким образом он разгонял чужой сигаретный дым, который казался ему менее благородным, чем дым от его папиросы.

Папироса ужасно воняла и курилась желтым дымом, как химический завод.

Маша покосилась на нее и сморщила нос. Лазарь это заметил.

– Напрасно ты, милочка, выражаешь своим носом отвращение к моей папиросе, – заявил он и торжественно взмахнул «беломориной», – это настоящая классика жанра. Натуральный вкус, и никаких добавок!

– Вам бы на конфетную фабрику поступить, Лазарь Моисеевич, – высказалась Маша деликатно, – шоколадки рекламировать. Стабилизатор Е-124.

– Чего я не видал там, на вашей конфетной фабрике! – фыркнул Лазарь. – Все я там уже повидал!

– Вы работали на конфетной фабрике?!

– Разве мне, образованному человеку, нужно обязательно видеть ваши стабилизаторы своими глазами? Разве я не могу делать выводы? Вот я ничего не видел своими глазами, но я спрашиваю, Маша, – почему твой гений до сих пор на тебе не женился? Какой вывод я должен делать из этого?

Маша Вепренцева, двадцати девяти лет от роду, отличный работник, сдержанный профессионал, мать двоих детей, замечательно управлявшаяся с самим Аркадием Воздвиженским, покраснела как рак.

Впрочем, непонятно, почему – как рак. Вовсе и не как рак.

Видела она однажды этих самых раков. Вовсе они и не были красными. Какие-то невразумительные они были, бурые, с зеленцой. А когда их варили, стало уж совсем гадко. И в этом так много было инквизиторства и пытки, что Маша Вепренцева от угощения наотрез отказалась, ушла в машину и долго ждала там Родионова, мрачная и хмурая. Родионов пришел и первым делом спросил: «Что за номера?!» Он не видел, как раки лезли друг на друга, а если и видел, то это зрелище отнюдь не лишило его аппетита.

Итак, Маша стала красной, как гоночная машина «Феррари», на которой иногда любил приехать в издательство Илья Весник.

– Лазарь Моисеевич, вы знаете, как я вас люблю, но, честное слово…

– Ты совсем не можешь иметь на меня обиду! – воскликнул Лазарь. – Это так же глупо, как иметь обиду на свою мамочку только за то, что она кормит тебя манной кашей, когда ты любишь вовсе мороженое! Но от манной каши детки хорошо растут, а от мороженого могут простудиться и заболеть!

– Лазарь Моисеевич…

– Не говори мне за Родионова. Скажи за себя. Почему ты не можешь объяснить ему, что он должен на тебе жениться?

Маша перевела дыхание. Что за вздор?! Что за разговор на лестничной площадке издательства, где в двух шагах курят, смеются и громко разговаривают?! Сначала Весник со своим «классным парнем», а теперь еще и Лазарь!..

– Лазарь Моисеевич, я понятия не имею, откуда вы все это взяли, но мы вовсе не собираемся… жениться, и я не стану намекать на это Дмитрию Андреевичу. Мы просто коллеги.

– Ах-ах-ах, – прокудахтал Лазарь, затянулся в последний раз и энергично затушил свою «беломорину». – Пусть вы будете коллеги, но только не для меня! Мне все давно и хорошо известно! А ты говоришь, конфетная фабрика!

– Лазарь Моисеевич, мне нужно бежать. Марков вызвал.

– Ты должна бежать, и сию минуту ты побежишь. Валентин не любит, когда его заставляют ждать такие мелкие люди, как мы с тобой. – Всем прекрасно известно, что Марков относился к Лазарю с превеликим уважением и даже с некоторым пиететом, но тому нравилось прикидываться ничего не значащим стариком. – Но ты должна зайти ко мне, и мы обсудим создавшееся положение, пока оно не превратилось в угрожающее!

– Нет никакого угрожающего положения. И не будет.

И тут она вдруг подумала, как бы ей хотелось, чтобы оно стало именно таким – угрожающим. Чтобы Родионов хоть что-нибудь бы… почувствовал.

Какое нелепое слово, из романа – почувствовал!

Ничего и никогда он не чувствовал, к ней-то уж точно, и еще на заре их совместной работы он как-то объяснил ей, что является принципиальным противником любых «служебных романов». Он ни что не намекал, просто комментировал ситуацию, которую тогда мусолили во всех газетах – как некий министр-фрондер взял да и бросил свою старую жену и ничтоже сумняшеся женился на молодой секретарше.

«На работе надо работать, – сказал тогда Родионов, скомкал газету и швырнул огромный ком в корзину для бумаг. – Спать надо вне работы. Можно подумать, что эта его секретарша принципиально отличается от какой-то другой секретарши! Какая разница, с ней или с другой!»

Вот Лазарь, а? Привел ее в состояние душевного трепета, да еще перед самым визитом на «шестой этаж», в логово льва, царя зверей!

Когда Маша вбежала в приемную Маркова, Родионов ее уже покидал, и вид у него был очень недовольный.

– Маш, ты поговори с ним побыстрее и приходи, – распорядился он. – У нас серьезные изменения в программе.

Маша затормозила возле него, как кот возле миски со сметаной из мультфильма «Том и Джерри» – так, что из-под туфель пошел дым.

– Мне и Весник толковал про какие-то изменения. Случилось что-то, Дмитрий Андреевич?

Родионов хмуро глянул в сторону Кати, которая за своей конторкой негромко разговаривала по телефону и не обращала на великого писателя и его помощницу никакого внимания.

Молодец Марков. Он брал на работу исключительно профессионалов, и не только на большие должности, но и в секретари!..

– Откуда-то взялся Тимофей Кольцов, – проинформировал он. – И какие-то будущие украинские президенты.

– Кто?!

– Мы с ними встречаемся в Киеве, и мне все это очень не нравится, – заключил он. – Давай быстрей. Нам надо это обсудить!

– Обсудить все мы сможем только дома, – сказала Маша. – Здесь… негде.

У них был корпоративный закон – на двоих.

Он формулировался примерно так: мы всегда воюем на одной стороне. Издатели, журналисты, пиарщики могут быть попеременно то на нашей, то на противоположной, но мы – ты и я – всегда по одну сторону линии фронта. В этом весь смысл нашей совместной работы. Никакого другого смысла нет. Если исключить эту «фронтовую» составляющую, получится, что ты – просто хороший работник, а я хороший работодатель. А работников и работодателей полно, и среди них попадаются неплохие. Можно сколько угодно складывать их вместе в разных вариантах, но из них никогда не получится… боевая единица.

Из Маши Вепренцевой и Дмитрия Родионова получилась.

Поначалу Маша радовалась и недоумевала, почему великий так ей доверяет, а потом поняла – доверяет, потому что ему так удобно. Он выбрал ее совершенно рационально и расчетливо, и нет в его доверии ничего личного. Ничего… угрожающего, как это называл Лазарь.

Они делились друг с другом сомнениями, придумывали стратегии, обсуждали дела издательства и предложения журналистов – вдвоем. Потом принималось решение, которого придерживались оба – и он, и она, хотя это величины несравнимые, разнокалиберные – великий писатель и какая-то там секретарша!

Обсудить – означало переговорить без свидетелей и выстроить какую-то линию поведения, как всегда, одну на двоих.

В стенах издательства так поговорить было нельзя.

В нагрудном кармане его просторной летней рубахи зазвонил мобильный телефон, и Маша помедлила возле Родионова – если звонок неизвестно от кого, отвечать он не станет, сунет трубку ей.

Он посмотрел на номер и нажал кнопку:

– Да. Привет.

Маша все медлила. Он покосился на нее и махнул ей рукой, чтобы шла по своим делам.

Все ясно. Звонок личный, ее вмешательство не требуется.

У нее моментально испортилось настроение. Как будто столбик термометра упал сразу на несколько десятков градусов.

Было жаркое лето, грянула холодная зима. Ромашки спрятались, поникли лютики.

– Да, сейчас занят. Нет, я сам тебе перезвоню.

Он никогда не разговаривал о личном при ней – не из деликатности чрезмерной, а все потому же, почему и служебных романов не признавал. На работе только работа, все, что не работа, – только после и не имеет отношения «к персоналу».

«Персоналом» была Маша Вепренцева.

«Я должна его разлюбить, – подумала она мрачно. – Вот просто взять и разлюбить. Сегодня же. Сегодня я его разлюблю. Я не хочу терзаться и мучиться и все время мучаюсь и терзаюсь!..»

– Маша, что ты застыла?! Давай, давай, шевелись, тебя Марков ждет, нам надо к Веснику и еще поговорить!

Она сосредоточенно кивнула и повернула за угол. Родионов вызвал лифт.

Конечно, он ничего не понял. Машино лицо, моментально ставшее расстроенным, он заметил и решил, что у нее живот болит. Или из-за того полоумного переживает. Немного вроде успокоилась, а теперь вот опять начала.

Если бы кто-нибудь сказал ему, что Маша переживает из-за того, что вот сейчас по телефону ему позвонила любимая и она поняла, что это его любимая, и из-за этого расстроилась, он бы с чувством покрутил пальцем у виска.

Быть такого не может. Маша Вепренцева здравомыслящая и… нормальная. Уж он-то, Дмитрий Родионов, знает это точно!..

Он заглянул в пиар-отдел, где в данный момент все были заняты обычными делами и параллельным развлечением Сильвестра, сидящего за компьютером. Сильвестр что-то длинно и путано рассказывал из жизни компьютерных монстров. Родионов прислушался, но на «ламерах, юзерах и крякерах» понял, что ему ничего этого все равно не постичь, и тут Сильвестр заметил его.

– Здрасти, – внезапно поздоровался он с Дмитрием Андреевичем.

– Привет, – поздоровался и Дмитрий Андреевич.

– А у меня тут «Квейк-3».

– Что?

– Игра такая, «Квейк-3»! Вы что, не играете?!

Родионов вздохнул. Не мог же он на весь пиар-отдел признаться, что бывает с ним такое, играет он, особенно когда работа не идет!

– Правда не играете?! – Сильвестр сделал большие глаза, как если бы неожиданно узнал, что Дмитрий Родионов не умеет ходить на ногах и передвигается исключительно на руках. – Хотите, я вас научу?!

– Сейчас не хочу, – сказал Родионов. – Сейчас мне к Веснику нужно. А где ты взял этот Квейк? В Сети, что ли?

– Ну да, – кивнул Сильвестр и повернулся к компьютеру. Глаза у него блестели. – Это очень просто. Они нелицензионные и без диска идут. Так просто берешь, качаешь, а потом ставишь, и все дела. И коды я нашел.

– Да чего их искать-то, – проявил осведомленность Родионов, – они все на «гейм ру» и так есть.

– Так вы играете?! – вскрикнул Сильвестр радостно. – Играете, да?

Родионов понял, что попался, и затосковал. Хорош знаменитый детективщик, которого на мякине не проведешь! Да еще и репутация у него была, старательно лелеемая, человека, который в компьютерах вовсе не разбирается и без посторонней помощи ни один нужный файл отыскать не может! А тут – на тебе!..

Пропадающего ни за грош Родионова спас кто-то из ребят, работавших в отделе.

– Дим, Илья ждет, надо идти.

И Родионов позорно бежал, так и не признавшись, что в «Квейк-3» он очень даже играет!

У Весника в кабинете было прохладно и как-то гораздо более свободно, чем у Маркова. Свободно не в смысле мебели, а для души вольготнее.

Родионов вошел без стука, швырнул портфель в одно кресло и плюхнулся в другое.

Весник даже из-за стола не встал.

– Здорово, гений ты наш. Ну, как там, на шестом?

– Как всегда, – пробурчал Родионов, придвинул к себе пепельницу и закурил. У Весника в кабинете курили все.

– Чай, кофе?

– Кофе у вас тут гадкий. Давай чай, что ли! Зеленый.

Этот зеленый чай – сено сеном! – нынче пили все и везде. Никто не знал, для чего он нужен, потому что на вкус он был нехорош, а цветом и вовсе подозрителен, но считалось, что нужно пить именно зеленый.

О, великая сила общественного мнения, правильно сформированного в правильном направлении!

Здоровый образ жизни – тренажерный зал, кефир со злаками, отварное мясо, зеленый чай и никакого сахара. Салат с рукколой, фетуччини с крабовым мясом и никакой котлеты с макаронами.

А что делать?..

Весник захохотал – он все время хохотал, такой уж у него был нрав, – вызвал секретаршу и попросил сварганить на троих зеленого чаю.

Тут только Родионов заметил, что в кабинете они не одни, а в отдалении на диване расположился кто-то еще.

– Знакомьтесь, – весело предложил Весник таким тоном, словно они могли отказаться знакомиться. – Или вы знакомы?

Человек приподнялся с дивана, но не до конца, и протянул руку, нисколько не озабоченный своим не слишком удобным полусогнутым положением. Конечно, Родионов откуда-то его знал, но откуда?.. У него было приятное лицо, длинные пшеничные волосы с выгоревшими светлыми прядями, ровный загар, щетина и

впадины на щеках, которые особенно уважал писатель Джек Лондон и искренне почитал их за признак решительности и мужества, свойственных белой расе.

Постулаты писателя Джека Лондона писателю Дмитрию Родионову казались сомнительными, но пришлось признать, что диванному молодому человеку впадины на щеках и впрямь придавали исключительно мужественный вид.

– Аркадий Воздвиженский, – представился Родионов по привычке.

– Игорь Веселовский, – в тон ему ответил молодой человек.

Весник опять захохотал.

– Дим, ты что, не узнаешь? Он ведет все ток-шоу! Вот если есть ток-шоу, которое все смотрят, значит, его Веселовский ведет!

– А почему вы Дима, если вы Аркадий?

– Я по паспорту Дима, а по работе Аркадий.

Конечно, в конце концов они друг друга узнали, сто раз встречались в Останкине и на различных светских мероприятиях, и если в первую минуту еще осторожничали, то сейчас стало ясно, что здесь, в кабинете Ильи Весника, собрались все свои – звезды и великие люди.

Игорь Веселовский и впрямь вел многочисленные передачи, хотя Родионову всегда было не слишком понятно, как это так. С его точки зрения, один человек может вести только одну программу, а на остальные можно понабрать других людей, но, видимо, на телевидении все было не так уж просто.

Должно быть, кадров там не хватало.

Должно быть, руководство и не знало, где их взять, кадры-то. Нелегкое это дело – программу вести. Нелегкое и неблагодарное.

Игорь плюхнулся обратно на диван и закурил невиданную сигарету. Она была длинная, коричневая и странно пахла.

– Может, виски кому налить? – спросил Весник и опять захохотал. – Или рому ямайского?

Присутствующие от рома и от виски отказались – еще одна черта современного делового человека, который просто так среди дня ни за что пить не станет, ибо голова должна быть трезвой, сердце спокойным, а руки… впрочем, руки значения не имеют. Феликс Эдмундович Дзержинский, придумавший эти самые сердца, руки и головы, может спать спокойно. Между прочим, Родионова всегда поражала некоторая «анато-мичность» афоризма великого революционного деятеля и пламенного борца, чрезмерное количество в нем членов и частей человеческого тела!..

– Мы с Игорьком когда-то работали вместе, – поделился Весник, – в незапамятные времена, еще когда Верховный Совет был и Хасбулатов незабвенный. А потом он в звезды вышел, а я… в чиновники угодил.

– Хасбулатов вышел? – спросил Родионов, во всем любивший точность.

– Да ладно тебе! – сказал Веселовский с укором. – Какой ты чиновник! Все же знают, что ты гений, а не чиновник.

– Да ладно, что я за гений! Вот ты – другое дело!

Родионов понял, что какое-то время они будут друг друга безудержно хвалить, и хорошо бы, чтобы его похвалили тоже – во-первых, в соответствии с правилами игры, а во-вторых, это приятно.

– Вот кто у нас настоящий гений, – словно бы прочитав его мысли, воскликнул Весник, – вот кто карьеру сделал до небес! Из женщин его одна Донцова по тиражам опережает, а мужиков таких и вовсе нет!

Родионов скромно потупился. Вступать в ответные славословия ему было лень. Можно и пропустить. Невелики шишки.

– Аркадий, а вот скажите, в последнем романе, ну, который «Приют зла»…

– «Обитель», – поправил Родионов, очень польщенный тем, что телезвезда знает название его книги и, кажется, даже читала, то есть читал, – «Обитель зла»!

– Да-да, «Обитель»! Из-за чего он убил?

– Там все написано.

– Нет, – вдруг сказала звезда. – Не все.

– Никак читал? – спросил Весник, но Веселовский не обратил на него внимания.

– Там написано, что он убил, чтобы получить наследство, да?

Родионов улыбнулся. Эта книга ему очень нравилась. Он по-разному относился к своим детективам, какие-то любил больше, какие-то меньше. Была парочка и таких, которые он вовсе терпеть не мог и даже старался не вспоминать никогда, словно стыдился их, а вот «Обитель» любил.

Удалась ему «Обитель».

– Ну да. Наследство.

Веселовский затянулся своей коричневой сигаретой.

– А мне кажется, что он из ревности убил. И мне кажется еще, что вы, когда писали, знали, что он из ревности убил, а наследство это потом придумали, чтобы туману напустить.

– В этом деле он мастак, – поддакнул Весник. – В смысле, тумана. Как напустит, так я и не знаю, что делать. И, главное, пишет, подлец, так, что бросить нельзя. Вот, Игорек, возьму его читать. Читаю. Ночь. Думаю, вот сейчас десяток страничек, и все! Так нет! До утра читаю, до шести часов, и потом еще до семи кошмары снятся! Вот как так можно писать?!

– Так из ревности или нет?

Родионов пожал плечами. На лице у него появилась странная, болезненная гримаса, будто его заставляли сказать то, что говорить ему совсем не хочется.

– Я не знаю, – признался он. – Ревность для меня состояние загадочное, понимаете? А писать имеет смысл только о том, в чем ты понимаешь. Я в ревности ничего не понимаю. Из ревности можно… взять и застрелить. А так как он… долго думал, планы строил, улики фабриковал… все-таки голова включается, и ревность уже ни при чем.

Казалось, Веселовский разочарован.

– А я был уверен, что из ревности! Ну, нет там ничего, кроме ревности этой! Наследство неубедительно очень!

Весник, который давно уже занимался своими делами, последнюю реплику уловил.

– Ты с моими авторами поосторожней, – велел он издалека, – особенно с гениями! Неубедительно, понимаешь ли! Все убедительно! Дим, ну где Маша застряла? Приглашать народ на совещание или рано еще?

– У Маркова она, ты же знаешь.

В нагрудном кармане у него завибрировал телефон, и он вытащил трубку.

Номер был знакомый.

Дьявол. Он обещал позвонить и не позвонил.

Лицом и плечами он сделал Веселовскому какой-то знак, который тот, видимо, хорошо понял, потому что кивнул и уткнулся в журнал, всем своим видом подтверждая, что ничего не слушает.

– Алло, Люда, привет.

– Ты опять занят?

– Занят, – признался Родионов. – Я в издательстве.

– Я тебе домой звонила, но там твоя… монахиня Калистрата подошла. Я не стала тебя просить, потому что все равно не позовет!

То, что она звонила ему домой, напомнило ему нечто неприятное, и он некоторое время пытался вспомнить, что именно, да так и не вспомнил.

– Дима, я соскучилась. Когда мы встретимся?

– Я не знаю. Я тебе потом сам позвоню.

– Вот ты все не знаешь и не знаешь! А если уведет меня кто-нибудь, что ты станешь делать?

– Ничего не стану делать, – пробормотал Родионов. – Я не Ромео.

Веселовский хмыкнул из-за своего журнала, но головы не поднял.

– Дим, я не расслышала!

– И хорошо, что не расслышала, – громко сказал Родионов. – Я просил, чтобы чай принесли.

Это показалось ей подозрительным и даже отчасти обидным.

– Ты что? – спросила она. – В ресторане?

– Я в издательстве, – повторил Родионов терпеливо. – Я тебе уже говорил.

– Дим, когда мы встретимся, а? Месяц прошел, как мы виделись! Может, уже пора опять повидаться?

– Я в Киев улетаю, – сообщил Родионов, наскоро подумав о том, что порция беззаботного секса ему не помешала бы, особенно перед тяжелой командировкой. Как спортсмену перед Олимпиадой. – Послезавтра.

Люда расстроилась и рассердилась, он моментально это почувствовал.

– Дим, а я что? Ничего для тебя не значу, да? Совсем ничего?

Это была истинная правда – она же сермяжная, кондовая, посконная и домотканая, – но Люде об этом лучше не сообщать.

– Почему ты мне говоришь о том, что уезжаешь, в самую последнюю минуту?! А эта твоя швабра с тобой едет, да?

Родионов промолчал.

Их отношения были устроены таким особенным, волшебным и очень удобным для него образом, что ни на какие такие вопросы он не отвечал и ловко делал вид, что вообще их не слышит. Заставить его их услышать было решительно невозможно.

Веселовский глянул на него лукавым глазом, перелистнул журнал и опять углубился в чтение. Весник на заднем плане водрузил на стол ноги в полированных штиблетах, сцепил пальцы на животе, откинулся на спинку кресла и монотонным голосом продолжал отчитывать кого-то по громкой связи:

– А я сто раз повторил, что делать этого не следует, а нужно завезти все материалы и на месте, я настаиваю, на месте посмотреть, как это будет выглядеть, и только тогда принимать решение! Но вы не можете! Для этого же нужно ваши задницы от стульев оторвать, а вы не хотите! Вы хотите зарплату получать, а я просто так вам платить не стану, понятно?!

– Ди-им! – позвала Люда из трубки. – Ты что там, уснул?

Родионов встрепенулся и спросил:

– Ты что вечером делаешь?

– Ничего, – оживилась Люда, – а что? У тебя есть предложения?

– Вот появились, – игриво сказал Родионов, и за журналом опять зафыркали. – Давай я к тебе вечером приеду. Если ты не занята, конечно!

Конечно, она не занята! Конечно, она будет его ждать, еще бы! Конечно, он может приезжать!

– Вот и отлично.

– Димочка, миленький, возьми меня с собой в Киев, – вдруг затараторила Люда. – Ну правда, ну возьми!.. Я тебе мешать не буду. Я помогать буду, даже лучше, чем эта твоя швабра, правда-правда!

И столько чувства было в ее голосе, столько мольбы, что он улыбнулся с нежностью:

– Всему свое время. Пока оно еще не пришло.

За дверью простучали каблуки, и Маша Вепренцева громко поздоровалась с секретаршей:

– Настя, привет! Можно мне к Илье Юрьевичу?

– Да-да, он ждет, Маша. Заходите!

Родионов заторопился:

– Люд, значит, я часам к десяти приеду, договорились?

Дверь распахнулась, и влетела запыхавшаяся Маша с папкой под мышкой.

– Подожди, – заволновалась в трубке Люда, – как к десяти? Мы что, не поедем никуда? Даже поужинать не поедем?!

– Ну все, – сказал Родионов Люде специальным, окончательным голосом, и, услышав этот голос, Маша посмотрела на него вопросительно. – Пока.

Он даже не стал дожидаться ее ответа, нажал «отбой» и засунул трубку в нагрудный карман. Маша Вепренцева проводила ее глазами, и у нее сделалось странное выражение лица.

– Ну, наконец-то! – провозгласил из своего кресла Весник и поднялся, нажимая кнопку на селекторе. – Настя, скажи всем, что можно совещание начинать. Ну что, Марья? Взгрел тебя Марков?

– И не думал даже, – Маша улыбнулась резиновой улыбкой.

Телефонная трубка Родионова не давала ей покоя. Все было ясно и понятно, и совершенно незачем страдать, но она все равно страдала так, как будто грубыми пальцами покопались в ее свежей ране. И теперь и жжет, и больно, и дотронуться невозможно, и самое главное, рана огнем полыхает, а недавно казалось, что нет ее совсем, успокоилась!

– Я ему рассказала, как нам сегодня полоумный звонил.

– Чего он хотел?

– Хотел, чтобы мы в Киев не ездили, – подал голос Родионов, – представляешь? Угрожал, мерзавец!

– Тебе?! – поразился Весник.

– Ребят, я пошел, – сообщил Веселовский, наскоро докуривая свою загадочную сигарету, и выбрался из-за низкого столика. – Бонжур, мадам! И, так сказать, сразу же оревуар!

– Маша Вепренцева, – представил ее Весник, но хохотать не стал, а радостно заулыбался. – Сей прекрасный принц есть мой давний друг Игорь Веселовский. Ты его наверняка давно и хорошо знаешь, он у нас телевизионная звезда.

– Здравствуйте, – сказала Маша, покрутила своей папочкой, попыталась ее пристроить в другую руку и в конце концов положила на столик. Рот у нее улыбался, а глаза как-то не очень. – С удовольствием смотрю ваше шоу, правда. Вы просто замечательный ведущий!

Странно, но в ее устах банальный комплимент вовсе не звучал банально, а показался самой лучшей похвалой. Она умела как-то располагать к себе людей, знала это и виртуозно этим пользовалась.

– Я стараюсь, – потупив глазки, пробормотал Веселовский и даже по-гусарски прищелкнул каблуками, вышло смешно. – А что-то мы господина Воздвиженского к нам никогда не приглашали! Такое упущение!

Маша моментально, как фокусник из воздуха, вынула откуда-то визитную карточку и вложила Веселовскому в приготовленную ладонь.

– Обязательно позвоню, – пообещал он так, что Родионов подумал про него равнодушно – вот папильон, а? Еще, чего доброго, ухаживать за ней вздумает, заморочит ей голову, а мне потом забот не оберешься! – Мы летом в основном в повторах выходим, а к осени ближе начинаются съемочные сессии.

– Ты чего, Игорек? – радостно спросил Весник. – Это ты нас как бы предупреждаешь, чтоб до осени мы ничего от тебя не ждали, так я понимаю?

– Мария Петровна, – сказал Веселовский, глядя Маше в лицо, – не слушайте вы его! Он такой болван! Ему бы только своих авторов продвигать, и в этом весь смысл его никчемной жизни!

– Илья Юрьевич болван?! – ужаснулась Маша притворно. – Вы говорите какие-то ужасы, Игорь!

«У него изумительные глаза, – отметила она машинально. – У героя-любовника в романе только и могут быть такие глаза – очень зеленые, яркие, как крыжовник, с темными зрачками.

Омут, а не глаза. Казнь египетская».

А писатель Воздвиженский слушал их препирательства, чем-то напоминавшие все его телефонные разговоры с Людой, Олей, Леной, Ирой, которых попадалось много, и еще с Тамарой, которая попалась одна. Он слушал и скучно думал, как это людям не надоедает такую ерунду молоть и вздор. Все ведь наперед ясно, и отклонений никаких от маршрута быть не может.

Ну, позвонит он завтра же, этот бонвиван телевизионный. Назначит Маше свидание. Она потащится, конечно, потому что как же ей устоять, ведь красавец, и в магазине, где он покупает колбасу, поди, дамы бальзаковского возраста за автографами выстраиваются, а девицы возраста Джульеттиного в обморок хлопаются. Во второй раз он поромантичнее что-нибудь придумает, не просто ресторанчик в центре, а, скажем, приватную вечеринку. Она потащится и на вечеринку. Там они станут танцевать, и его шершавая и тонко пахнущая щека будет рядом с ее щекой, а пальцы что-то такое нащупают на спине, и ноги у нее начнут подкашиваться, и глаза закатываться, и от его близости она вся будто подтает, и…

Вот гадость какая. Какая гадость и, главное, бессмыслица!

Переспят они раз, другой, третий, потом вместо очередного свидания ей понадобится к детям, а ему станет скучно, и уже следующая Джульетта или, напротив, мадам Бовари замаячит на горизонте, и все.

Все!! Все!!!

Себя Родионов почитал куда как более честным мужчиной. Он романтики никакой не признает. Он завел себе Люду, к примеру, и спит с ней, когда время есть. Нет времени – не спит и не звонит, и ничего. Люде он тоже сразу объяснил, что досаждать ему звонками не нужно, что он сам, когда сможет, тогда и выберется, потому что время у него есть не всегда, а когда есть, тогда он сам даст знать… По крайней мере, в этом нет лжи и ханжества.

Это Дмитрий Родионов так думал, что их нет. Думал и очень гордился собой и собственной чрезвычайной честностью.

Веселовский еще долго расшаркивался, никак не мог откланяться, все строил Маше глазке, а Родионов в это время скучал, и наконец телеведущий ушел.

Столкнувшись с ним в дверях, вбежала Таня Табакова, похожая на Клаудию Шиффер, беловолосая, длинноногая и высокая, принесла кучу каких-то бумаг, моментально рассовала всем участникам совещания по экземпляру, уселась и посмотрела вопросительно – приготовилась работать. Еще сказала, что Сильвестр разгромил каких-то монстров и продвинулся на третий уровень.

Маша Вепренцева вдруг вспомнила о сыне, словно могла про него забыть, и заторопилась. Надо бы еще матери позвонить, узнать, как там Лера!..

– Значит, так, – начал Весник, когда вся его команда, а также великий писатель с секретаршей заняли наконец наиболее подходящие каждому позиции, – послезавтра у нас начинается визит в Киев. Про то, что это стратегически важный для нас город, мы уже говорили не раз, и всем об этом известно. Дмитрий Андреевич, не знаю, рад ты будешь или не рад, но в Киев с тобой лечу я.

Воцарилась тишина. Слышно было, как в приемной разговаривает народ, а в соседней комнате распевает радио.

Родионов глянул на Машу, и напрасно, потому что поддержки никакой не получил – она смотрела в сторону, а Весник его взгляд заметил.

– Ты на Марью Петровну не взирай, – сказал он серьезно. – Она ничего не знает. Мы только вчера решение приняли.

Родионов понимал, что спрашивать, почему они приняли такое решение, нельзя. Это неправильно. В конце концов, именно он, Родионов, великий писатель Аркадий Воздвиженский, а Весник и его служба работают на него, вернее на его имидж, и оправдываться ему перед Весником незачем и не в чем, но не удержался и спросил:

– Илюш, ты же никогда сам не ездишь. Что случилось? Мы что-то делаем неправильно?

Весник помедлил с ответом, и Родионову показалось, что медлит он специально, ведет некую игру, смысл которой пока неясен:

– Я хочу посмотреть, как все это происходит, своими глазами. А то все рассказывают, рассказывают, как вас, великих, там на части рвут, а мне бы хоть одним глазком глянуть. Ведь и мы пахали!.. – Тут он тона не выдержал и захохотал.

Начальство, в лице Ильи Весника, в издательстве все любили, хотя и бывало, что из его кабинета выскакивали, как из бани, красные и взмыленные, а за стеной топало, гремело и орало так, словно туда ворвался боевой слон из войска Александра Македонского.

– Дмитрий, – начала Таня Табакова, – программу мы утвердили. Конечно, по ходу визита она может меняться, но только в частностях. Маше я все сказала, и билеты на самолет сегодня отдам, они уже куплены. Откройте, пожалуйста, первую страницу.

Все послушно открыли. Родионов тоже открыл, хотя он «неорганизованный» и ему без толку что-либо толковать. Он или все забудет тут же, или перепутает, или неправильно поймет. Но Таня Табакова говорила как-то так, что ослушаться ее не было никакой возможности.

– В Киеве немного другие книжные магазины. Не такие, к которым мы привыкли в Москве и вообще в России. Там нет книжных супермаркетов, а в основном книжные отделы в больших магазинах. У них есть только один специализированный книжный магазин «Олимп», он очень хорошо расположен, рядом с одним из самых крупных рынков, и метро там рядом.

– И директор душка, – подал голос кто-то из отдела рекламы.

Родионов их и не заметил. Они пришли и парой стали у двери, девочка и мальчик. Некоторое время великий рассеянно вспоминал, как их зовут, не вспомнил, поморщился и вновь стал вполуха слушать Табакову:

– …называется «Квартира Бабуин». Это очень хорошее литературное кафе, стилизованное под коммунальную квартиру. Я ездила, смотрела все площадки, оно мне очень понравилось. И хозяева замечательные, и персонал, так что там все будет отлично. Там у вас практически целый день, в этом кафе.

– Как день? – неожиданно встрепенулась Маша, перелистывая программу. – Ты же мне говорила, что у нас в первый день телевидение!

– Машунь, мы тут все поменяли. У вас в первый день заявочная съемка, утренняя, где будет объявлено, что Воздвиженский приехал. Вот, видишь, как она называется… «Будинок», да? Потом вы до вечера в «Бабуине», а на

следующий день у вас телевидение и радиостанции. Нам показалось, что так логичнее, чтобы с места на место не метаться.

– А машина большая?..

Табакова улыбнулась. Родионов со своими ста девяноста пятью сантиметрами не во всякую машину помещался. Особенно в японские. Видно, ни один нормальный японский автомобильный конструктор даже вообразить не мог, что бывают люди такого роста, и поэтому в любой японской машине Родионову приходилось сидеть не иначе, как высунув голову в люк, если таковой имелся.

– …встречи с читателями. Дмитрия там хорошо знают и любят, у нас на этот счет проведено целое исследование, поэтому мы уверены, что они будут более чем многочисленные. Затем, двадцать восьмого, встреча с украинской литературной общественностью.

– Там массовая литература организована совсем по-другому, нежели у нас, поскольку, во-первых, много русскоязычных тиражных авторов, следовательно, мало украинских, а во-вторых, местных пиарщиков и рекламщиков всех надо перетопить, а новых нанять, – вступил в беседу Весник. – Мы работаем с Алексеем Фурманом, он, кстати сказать, отличный мужик! Под него бы целую службу создать, но у партнеров на Украине денег нет! Дим, ты послушай, послушай!..

– Да я слушаю.

– Ни фига ты не слушаешь!

– Все равно ты со мной летишь, – уколол его Родионов, – в случае чего подстрахуешь.

– Вот мерзавец какой, а? – сказал Весник с чувством, обращаясь к коллективу, и весь коллектив изобразил вежливые улыбки. Улыбаться во всю ширь было несколько опасно. Может, Илья Юрьевич и имел полное моральное право называть великого мерзавцем, но остальные-то его не имели!..

Родионова не слишком интересовал график, он все ждал, когда Весник перейдет к главному, то есть к Тимофею Кольцову и кандидатам в президенты, а он все тянул, и ясно было, что тянет неспроста.

– …ужин в «Красном селе», это очень вкусное место. Правда, на ужин отведено всего полтора часа, потом еще один вечерний эфир, и все.

– Таня, а полтора часа с дорогой? Если с дорогой, то мы точно не успеем, и даже закладывать ужин в программу не нужно.

– Машенька, а как же иначе?.. Мы всегда стараемся, чтобы вам хоть поесть можно было нормально.

– Мы все равно нормально не поедим, если до этого «Села» еще придется сколько-то ехать. Мы же туда с «Авторадио» потащимся, да? А где там «Авторадио»? Далеко от ресторана?

Весник помалкивал и посматривал на Родионова. Тот думал о том, что рукопись надо сдать через две недели, и хорошо бы до этого ее закончить. Если еще задержать, Марков откусит ему по очереди оба уха, пожует и выплюнет.

Родионову не хотелось, чтобы ему откусили оба уха.

– …и получается, что в субботу выходной.

Весник крутанулся в кресле, дотянулся до непочатой пачки сигарет и неторопливо стал ее разворачивать.

– На этот выходной были запланированы Лавра, днепровские кручи и все в этом духе. В общем, знакомство с достопримечательностями и прочая красота, но…

– Но, – перебил Табакову Весник, – мы программу изменили. В Киеве в это время будет Тимофей Ильич Кольцов. Все знают, кто это, объяснять не надо. Не надо объяснять, а, мальчики и девочки?

Мальчики и девочки вразнобой помотали головами – не надо, зачем же объяснять, когда и так все ясно!

– Он очень хотел познакомиться с Аркадием Воздвиженским. Или его жена, что ли? Потому что он сам вроде никаких книг не читает и вообще малограмотный. Марков ему обещал. Поэтому мы этот выходной проводим на даче у каких-то местных знаменитостей, которые с Кольцовым то ли дружны, то ли просто знакомы. Там же будет Борис Дмитриевич Головко, это кандидат в цари. То есть в гетманы. То есть кто там у них?..

– Президент там у них, как и везде, – сообщил Родионов мрачно.

– Кольцов с этим самым Головко бизнес имеет или только намеревается завести, но в общем все совпадает один к одному. На даче будет прием, и мы на него приглашены. И все это в обстановке строгой секретности, как все понимают.

– А когда об этом стало известно? – осведомилась Маша тихонько. – О том, что будет прием и Тимофей Кольцов?

– Да… на днях, – Весник закурил и пустил к потолку струйку дыма.

– Ты никому не говорил об этом, Илья Юрьевич?

– А что?

– Да ничего, – ответил Родионов, – только нам сегодня позвонили и сказали, чтоб я ни в какой Киев не ездил, сидел бы в Москве и не рыпался. Я Маркову об этом сообщил, и он обещал что-то выяснить. По крайней мере, Ушакова по следу отправить.

– А есть след? – спросил Весник серьезно.

Родионов пожал плечами:

– Ну, какой след, Илья! Определитель у нас не сработал, разговаривала Маша, да и разговора-то никакого не было, как я понял!.. Одни угрозы.

– Чем он угрожал? – деловито спросила Табакова.

Маша помолчала, рассматривая красиво отпечатанную страницу программы. Ей не хотелось об этом говорить, и странно и неприятно было, что Родионов как будто выставил ее, голую, на всеобщее обозрение.

Впрочем, тонкостью восприятия он никогда не отличался.

– Тань, он… что-то такое ужасное говорил про моих детей. Я не хочу повторять. Я уже Маркову повторила и потом Ушакову. Мне это… неприятно.

– Не говори, не говори, – быстро сказала Табакова, – конечно, не надо!

– Только я все думаю, – медленно произнес Родионов, – если встреча будет в обстановке строгой секретности, то откуда эта сволочь узнала, что я в Киев лечу? Вот что любопытно.

– Да, – согласился Весник задумчиво. – И в связи с Тимофеем Ильичом и этим… кандидатом в гетманы вся история приобретает другую окраску.

– Вот и Марков так считает, – вставила Маша. – И Ушаков. В Киев мы уже полгода собираемся, и сколько раз визит переносили?

– Раза четыре, – подсказала Табакова.

– Вот именно. И никаких звонков, и никаких угроз. А тут – на тебе!.. Как только выяснилось, что нас там будут принимать политики и олигархи, позвонил некий сумасшедший! – сказал Родионов.

– Спрашивается, – подхватила Маша и отодвинула от себя пепельницу, которая невыносимо воняла. На ее хрустальном дне морщились три коричневых окурка диковинных сигарет, которые курил телевизионный красавец Веселовский. Отодвинув пепельницу, она еще некоторое время с неодобрением рассматривала окурки. – Если он сумасшедший, то откуда узнал про визит? Это первый вопрос.

– Второй, ясное дело, это как связаны звонок и визит, – перебил ее Родионов. В конце концов, именно он писал детективы, а не его секретарша! – И связаны ли!

– Ну, это ты загнул, – задумчиво протянул Весник. – Совпадение, и все тут!

– Не знаю, – сказал Родионов. – Странное какое-то совпадение.

Расходились все задумчивые, словно отправляли великого на войну, а не в мирную, теплую и добродушную Украину.

– Я сегодня на ночь заберу автомобиль, – проинформировал Родионов Машину спину, когда они подошли к джипу. Маша пристраивала на заднее сиденье Сильвестра и его портфель. – Так что, если хочешь, я вас довезу до дома и уеду.

– Завтра эфир на НТВ, – ответно проинформировала она его и вылезла из салона. Как оказалось, вылезла уже в темных очках. Вид у нее был совершенно невозмутимый, и это обмануло его. Он так и не понял, что ковыряется в старой ране, и она уже вовсю кровоточит, и Маше больно, и обжигает почти до слез, а отшвырнуть эту жестокую грубую руку, которая делает так больно, нельзя. Не получается отшвырнуть.

– У них запись в полвторого, мы должны быть в час. Вы… прямо туда приедете или сначала домой?

– Я еще не знаю, – капризно сказал Родионов. – Я тебе позвоню.

Она сосредоточенно кивнула.

Значит, все правда.

Значит, ей ничего не показалось.

Значит, на самом деле звонила дама его сердца.

Значит, у него свидание.

Маше Вепренцевой моментально стало неинтересно и незачем жить.

А зачем тогда все?! Зачем она так старается быть полезной, зачем она знает его вдоль и поперек, зачем она думает его мыслями и говорит его словами, если она просто… работник?! Очень хороший, грамотный, профессиональный и еще невесть какой, но всего лишь работник?!

Его личная жизнь ее не касается.

У него сегодня свидание.

– Давайте я пока за рулем поеду, – предложила Маша своим самым обыкновенным голосом, – а то вы же не любите!..

– Не люблю, – согласился Родионов. – Поехали, поехали!

Он не замечал, как из ее раны капает кровь – большими, горячими, красными каплями. Прямо на асфальт.

– Мам, ты чего такая грустная?

– Я не грустная, Сильвестр. Я просто устала.

– Ты отдохни, мам. Хочешь, я за Леркой сбегаю, и мы по дороге в булочную зайдем и сухариков купим? С дымком. Или с беконом. Ты какие больше любишь?

– Никакие не люблю.

– Да ладно, мам! Или с чесноком? Хочешь с чесноком? Они вонючие, ужас!

– Это точно.

– Дай мне рублей тридцать. Или пятьдесят. Мы еще можем за мороженым зайти. Хочешь мороженого, мам?

– Хочу.

Сильвестр деловито похлопал себя по карманам, что-то искал.

– Так я пойду за Леркой, мам?

– Подожди, – остановила его Маша. – Они сейчас с бабушкой сами придут. Я бабушку попросила, чтобы она Леру привела.

– Ну, тогда я в булочную, мам. Ладно, да? За сухариками? – Он вытащил из кармана связку ключей, посмотрел на нее и сунул обратно. Вытащил носовой платок, такой грязный, что невозможно понять, какого он был когда-то цвета, и тоже вознамерился сунуть его обратно, но Маша платок отняла. Сильвестр проводил его глазами. Потом он достал калькулятор с западающими клавишами, сложенный вчетверо листок в клеточку, два рубля и подушечку жвачки без обертки.

– А дохлая крыса где? – спросила мать рассеянно. – Или ты ее выложил где-то?

Сильвестр быстро отправил в рот завалявшуюся подушечку. Странно, как это он про нее позабыл?! Надо быстро съесть, пока мать не отобрала, а то скажет, что он всякую грязь в рот тащит, и не даст! А подушечка очень даже ничего, в крошках немного, потому что в кармане были сухари и до этого еще чипсы, Паштет их покупал, и они все поровну разделили, ну жвачка и растаяла слегка, жарко же в кармане-то!..

– Не было у меня крысы, – сказал он невнятно из-за жвачки, которая почему-то вязла в зубах, – а Христине хомяка купили. То есть не хомяка, а хорька!

– Крыса была у Тома Сойера, – пояснила мать, – а зачем Христине хорек?

– Ну как зачем, мам?! Так я за мороженым иду или не иду?!

– У нас все есть, – сказала Маша. – И мороженое есть, и сухари. Не жевал бы ты ничего, Сильвестр, сейчас ведь ужинать будем!

– Нет у нас сухарей, я вчера все съел. С Леркой.

– Есть.

– Нет!

– Есть.

– Нет!

Мать открыла выдвижной ящик, пошарила в глубине и вытащила три совершенно целых пакетика сухарей.

– О! – сказал Сильвестр и вытаращил на пакетики шоколадные глаза в длиннющих девчоночьих ресницах. – А я и не знал!

– Если бы знал, ты бы их съел все!

– Я без спросу никогда не ем!

– Я знаю, зайка. Это я просто так. Дразнюсь.

– Не называй меня зайкой! Какой я тебе зайка!

– Не буду.

– И мороженое есть?

– Ага.

Сильвестр не стал спорить – сухари-то объявились, хоть он был уверен, что они с сестрой вчера сгрызли все до одного!

Поглядывая на пакетики и прикидывая, разрешит мать открыть хоть один до ужина или лучше к ней и не приставать, он уселся на широкий подоконник и стал качать ногой.

Ногой почти сорокового размера.

Нога сорокового размера, взгляд томный, на День святого Валентина полон рюкзак красных дамских сердец – «тебя люблю я до могилы, так приходи ко мне, мой милый!», – и дополнительные сердца вываливаются из карманов и чуть ли не из рукавов, на майке «Рамштайн», в ушах плеер, в компьютере самая последняя версия «Андеграунда» – отличной «стрелялки»!

Сильвестр плачет, когда по телевизору показывают тонущих лошадей, или беспризорников, откусывающих от булки, или ничейных собак, греющихся на решетках метро. Он сразу начинает смотреть в потолок, или у него находятся неотложные дела в ванной, или ему срочно нужно собирать портфель. Он очень справедлив и прямолинеен и даст в ухо любому, кто обижает малышню или ведет себя неправильно. Высунув от усердия язык, он выпиливает лобзиком какую-нибудь трудно определимую ерунду, заданную на «труде», и потом ею очень гордится. Он любит кататься на машине, и любит, когда к чаю есть что-то вкусное, и еще любит, когда мать никуда не спешит и вечером дома. Еще он очень любит, чтобы бабушка пришла и читала им с Леркой книжку. Лерка маленькая, не понимает ничего, перебивает, спрашивает, но он готов все терпеть, лишь бы бабушка читала. Он учит стихи, монотонно повторяя: «В тот год осенняя погода стояла долго на дворе», при этом качается на стуле и косит глазом по сторонам, нет ли чего, на что можно было бы отвлечься. Он любит первым подходить к телефону и очень не любит быть один. Когда по телевизору умные дядьки и тетки рассуждают о подростковых проблемах и переходном возрасте, он слушает, сделав ироничное лицо, а потом говорит: «Мам, у меня не будет никакого переходного возраста. Что я, дурак, что ли?» Еще он любит новогоднюю рекламу и очень озабочен подарками ко всем праздникам, и задолго до них начинает переживать – вдруг не успеют купить, что тогда делать?!

И какой-то неизвестный идиот посмел сегодня ему угрожать! Да еще так… отвратительно и гадко!

Сильвестр выплюнул в ладошку жвачку, перестал качать ногой и спросил с интересом:

– Мам, а я твоего начальника вчера по телевизору видел. А мама Паштета спрашивала, можешь ли ты у него книжку подписать. Ты можешь?

– Могу.

– Тогда я завтра принесу.

– Давай, неси.

– А машина у него классная, да?

– Это точно.

– Мам, а у него дети есть?

– Нет, Сильвестр. У него нет детей.

– А откуда он тогда в компьютерах понимает?

Маша задумчиво насыпала в кипящую воду макароны. Она любила «Макфу», и дети любили, но за разное. Маша любила потому, что она готовится быстро и от нее не толстеешь – инструкция на пакетике была прочитана десять раз и практически выучена наизусть!.. Там говорилось, что эта самая «Макфа» сделана из «твердых сортов пшеницы» и есть ее можно сколько угодно. Дети любили ее за картинки на пакетах – мельница, поле и еще что-то такое летнее и приятное, и еще за то, что варить очень просто. Насыпал в кипяток – и готово дело, можно поражать материнское воображение своими хозяйственными успехами.

Сегодня «Макфа» была извлечена из шкафа под плохое настроение, ведь известно всем, что от плохого настроения самое верное средство – вкусно поесть.

– С чего ты взял, что он понимает в компьютерах? Ничего он в них не понимает!

– Он все понимает! Он в «Квейк-3» играет!

– Да ладно тебе!

– Точно, мам, – сказал Сильвестр и убежденно покивал головой. – Он мне сам признался.

– Пошутил, наверное, – рассеянно заметила Маша, – давай на стол накрывать, Сильвестр. Уже почти все готово.

– Как же готово, когда ты только поставила!

– Это на пять минут!

– Мам, а можно мне сухари открыть?

– Ну вот еще! Ужинать садимся, а ему сухари! Давай-давай, Сильвестр, лучше огурец помой и хлеба нарежь!

Закатив глаза, он вздохнул, изображая покорность судьбе и одновременно демонстрируя явную несправедливость жизни, однако с подоконника слез, раскопал в холодильнике огурец и спросил, нельзя ли и ему тоже хорька. Как у Христины.

Потом пришли бабушка с Лерой, и вечер покатился своим чередом, обыкновенный семейный вечер, и все было бы хорошо, если бы он не чувствовал постоянно, что мать чем-то обеспокоена.

Он все понимал, двенадцатилетний Сильвестр Иевлев, любитель хорьков. Он-то сразу заметил, что у матери испортилось настроение, когда ее начальник сказал, что должен забрать машину. Сильвестр поначалу решил было, что матери просто тоже хочется покататься на «бумере», а не толкаться в метро, но даже после того, как начальник сказал, что подвезет их домой, настроение у нее не улучшилось.

Значит, дело не в машине.

Значит, в чем-то еще. Он знал, что она ему не скажет – давно бы сказала, он же ее друг! – и потому волновался за нее.

Все-таки она девочка, а он мальчик, значит, он сильнее и за нее в ответе!

Бабушка тоже была какая-то взбудораженная и все посматривала на мать, и от ее взбудораженности Лерка вела себя плохо – все время куда-то лезла, что-то

роняла, а потом прищемила себе палец и долго ревела. Надоела страшно. Сто раз ей говорили – не суй пальцы куда ни попадя, а она все не понимает!

Только в десять часов, когда проводили бабушку, а Лерку загнали спать, сели попить чайку вдвоем, отдохнуть от длинного и трудного дня, и тут Сильвестр вспомнил, что мать через день-другой должна уехать в командировку.

Вспомнил и страшно из-за этого расстроился. Он не любил, когда мать оставалась без его присмотра.

– Мам, возьми меня с собой?

Она насмешливо подняла брови и посмотрела на него самым-пресамым своим взглядом, которым пользовалась, когда хотела продемонстрировать Сильвестру, что он не прав. Он знал, что такой взгляд называется «ироническим».

– Сильвестр, ты же знаешь, что я еду работать!

– Ну и что? Я тоже буду работать. И я тебе не буду мешать!

Из чайника в синий горох Маша подлила чаю себе и ему и пододвинула сахар и плошку с вареньем, клубничным, как он любил.

Она все время думала о том, что кто-то посмел угрожать ее детям, и еще о том, что визит в Киев странным образом оказался связан с бизнесом и политикой, а также о том, что Родионов на свидание поехал. И еще она чувствовала себя виноватой перед Сильвестром, и Лерой, и мамой – она ведь так ничего им и не сказала, как будто скрывала опасность, как будто перед военной операцией так и не предупредила своих, что надо спасаться, бежать!

– Мам, я ведь уже взрослый. Ну, не буду я тебе мешать, это точно! Возьми меня, а?

– Сильвестр, мы будем проводить по двадцать часов на встречах и в книжных магазинах! Ни поесть, ни попить, ни пописать!.. Там уже жарко, я сегодня слышала, двадцать пять градусов! Ну и что? Ты будешь с нами мотаться или в номере целыми днями сидеть?

Сильвестр подумал. Он знал, что у матери трудная работа, и очень гордился тем, что она работает с человеком, о котором пишут в газетах и журналах, да еще его показывают по телевизору, но что ей приходится по двадцать часов шастать по каким-то там магазинам, он даже и представить себе не мог!

– Мам, а спишь ты когда?

– В каком смысле?

– Ну, если по двадцать часов работать, то спать-то когда?

Маша засмеялась:

– А… когда придется! Это, мальчик мой, закон жизни такой. Или работаешь, или спишь!

Сильвестр подумал немного.

– Не-е, я так не хочу. Работать, в смысле.

– Очень напрасно, – сказала мать серьезно. – Ты же мужчина. Хорошо, если тебе попадется женщина, которая будет работать и получать зарплату, а если нет? Если тебе придется за двоих работать?

– Я на такой не женюсь, – решительно объявил Сильвестр, – зачем она нужна, если не будет работать? И что она тогда делать будет?

– Может, детей растить! – Мать почему-то засмеялась. – Или тебе самому не захочется, чтобы она работала, а захочется, чтобы она тебя каждый день к ужину ждала! И тогда придется тебе вкалывать день и ночь, и спать неизвестно когда, и есть только когда телефон не звонит, и сто вопросов одновременно решать, и еще…

– Мам, – вдруг остановил ее Сильвестр. – Ты вот сейчас с кем разговариваешь?

Они посмотрели друг на друга и засмеялись.

– Ты же умный, – сказала Маша. – Ты все сам знаешь. В нашем мире можно выжить, только тяжело и много работая. Никакого другого пути нет. Никому нет дела до того, высыпаешься ты или нет! Мой начальник – знаменитый писатель. И когда он задерживает рукопись, наш издатель знаешь как его ругает?

– Как?

– Ужасно, хотя он не от безделья задерживает! – от души сказала Маша. – Так что трудиться нужно день и ночь, и тогда, может быть, все будет хорошо.

– Как хорошо?

– Тогда тебе не в чем будет себя упрекнуть. – Она посмотрела в свою чашку, и Сильвестр тоже вытянул шею, чтобы посмотреть, что именно там происходит.

Ничего такого там не происходило. А в упреках он все равно ничего не понимал.

Маша Вепренцева уложила его спать и еще – по просьбам трудящихся – долго сидела на кровати, чесала ему спинку, которая, ясно дело, ближе к ночи невыносимо зачесалась, потом мазала кремом пятки, потому что вчера на физкультуре «вот здесь и здесь уж-жасно жгло!», потом выслушала историю про Христининого сурка, то есть хорька, которого Христинин папа увез на работу в портфеле, куда сурок, то есть хорек, случайно залез, потом фальшиво исполнила песню «И мой сурок со мною», потому что она вспомнилась к случаю. Песня оказалась жалостливой, и пришлось еще совсем напоследок рассказать смешной случай с попугаем, приключившийся на даче Ильи Весника.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Имеется в виду персонаж фильма «Молчание ягнят» – Ганнибал Лектор.

2

То есть безрогой.

Купить: https://tellnovel.com/tatyana-ustinova/sakvoyazh-so-svetlym-buduschim

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити